

Конкуренция и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹

С.В. Михневич

Михневич Сергей Владимирович – аспирант кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: sxzex@yandex.ru

В статье рассматривается взаимосвязь процессов институциональных изменений в сфере обеспечения безопасности и политики «умной силы» КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Основной акцент сделан на «практическом» измерении «умной силы» КНР в рамках анализа внешней политики Китая в АТР после окончания «холодной войны». Ключевое место в исследовании занимает изучение многостороннего взаимодействия по проблемам безопасности в регионе на площадках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Именно соответствующие многосторонние площадки с участием всех основных акторов являются базой и основным содержанием макрорегиональной архитектуры безопасности. Научная новизна настоящей статьи заключается в выявлении взаимовоздействия «умной силы» Китая и макрорегиональной институционализации в сфере безопасности.

Теоретические аспекты концепции «умной силы» и ее связи с процессами институционализации и трансформации международных отношений были подробно рассмотрены автором в статье «Фактор «умной силы» в процессах институционализации международных отношений»².

Начало статьи посвящено эволюции ценностного и идеологического измерений внешней политики КНР с момента создания страны и до настоящего времени на основе ключевых концепций и идеологем, таких как «мирное возвышение Китая», «гармоничный мир», «китайская мечта». Автором подчеркивается, что для укрепления собственной «мягкой силы» власти КНР используют широкий спектр механизмов и средств, как экономического, так и социокультурного характера. В статье выделяются узловые проблемы традиционной и нетрадиционной безопасности, определяются основные модели сотрудничества по вопросам безопасности и применения политики «умной силы» КНР.

Отмечается, что, несмотря на существенный прогресс в сотрудничестве по проблемам нетрадиционной безопасности, институциональная эффективность в отношении традиционных проблем безопасности остается весьма ограниченной. При этом стремление Китая использовать собственную «умную силу» для противодействия враждебному влиянию на площадках АСЕАН приводит к эрозии институтов и снижению общей безопасности в макрорегионе. Также автор обращает внимание на то, что «умная сила» всех азиатских стран АТР ограничивается фактором суверенитета. Его нарушение или угроза нарушения могут девальвировать все достижения сотрудничества по проблемам нетрадиционной безопасности.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 14-07-00059 «Политические функции региональных экономических объединений в современном мире».

Материал поступил в редакцию в ноябре 2015 г.

² Михневич С.В. Фактор «умной силы» в процессах институционализации международных отношений // Вестник международных организаций. 2015. № 4.

Соответственно, возникает необходимость в реформировании существующих многосторонних институтов взаимодействия по проблемам безопасности.

Ключевые слова: КНР, Китай, АСЕАН, США, Юго-Восточная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион, АТР, «умная сила», «мягкая сила», «жесткая сила», неопределенность, культура, стратегия, институциональные изменения, дефинизация, секьюритизация, безопасность

Введение

Эффективность политики является ключевой характеристикой и целью международной деятельности любого государства. Сегодня в условиях постоянно изменяющейся среды международных взаимодействий государствам все сложнее обеспечивать реализацию своих интересов. С одной стороны, будет некорректным говорить о том, что «новые акторы», такие как бизнес, неправительственные организации и разнообразные формальные и неформальные объединения людей, ставят под угрозу статус государств как основы международной системы. Вместе с тем их деятельность приводит к эрозии государственного суверенитета, особенно в отношении монополии на международные взаимодействия. Как пишет В. Иванов, «десуверенизация» вызывается самим фактом неизбежного «вступления в международное общение — заключение договоров, участие в деятельности международных организаций и т.п. — автоматически влечет ограничение суверенитета обязательствами перед другими суверенами (государствами), которые тоже ограничивают свои суверенитеты» [Иванов, 2010, с. 39].

Однако указанные процессы получают новые, гораздо более сложные измерения из-за участия акторов, имеющих негосударственную природу. По мнению Ю. Хабермаса, «суверенно лишь такое государство, которое может внутри себя поддерживать спокойствие и порядок, а вовне де-факто защищать свои границы. Во внутренних делах оно должно умело подавлять конкурирующие проявления силы, а в международных утверждать себя в качестве равноправного конкурента» [Хабермас, 2001, с. 201–202]. Но о каком равноправии и какой равностатусности может идти речь, если в роли конкурентов выступают акторы, достигающие своих целей совершенно иными способами? В ряде случаев ресурсы крупных негосударственных акторов по отдельным направлениям сопоставимы с возможностями государств. При этом негосударственные акторы во многом избавлены от необходимости соблюдать правила и решать задачи, эссенциальные для государств. Соответственно, возникает запрос государств на эффективные инструменты и механизмы поддержания и укрепления своего ослабшего влияния. В роли такого средства может выступить «умная сила».

«Умная сила» представляет собой способ реализации политики страны на международной арене, сочетающий «жесткую силу» для понуждения и возмездия и «мягкую силу» в виде убеждения и притяжения [Най, 2013, с. 18]. Ее важным элементом является *дефинизация* — процесс принятия решений в отношении национальных интересов, формулирования и решения ключевых задач, выбора способов и инструментов их разрешения и накопления необходимых ресурсов, а также оценки достигнутых результатов и определения новых стратегических целей и задач, в соответствии с которыми в основе целеполагания лежат приоритеты обеспечения безопасности в разноточных перспективах [Михневич, 2015с]. «Умная сила» подразумевает использование широкого инструментария «мягкой» и «жесткой» сил, сопровождающееся постоянным высокодинамичным поиском оптимального сочетания, определяемого, как правило, *ad hoc* [Там же].

Для новых центров силы, таких как Китай, особенно острым представляется дефицит именно «мягкой силы», поскольку усиление возможностей в сфере «жесткой силы» являет собой более линейный процесс, в большей степени контролируемый органами государственной власти³.

Ключевой характеристикой современного мира является высочайшая степень неопределенности, затрагивающая практически все сферы деятельности человека. Одним из способов уменьшения нарастающей неопределенности и ее трансформации в относительно прогнозируемые риски является институционализация существующих взаимодействий. «Люди пытаются использовать свои представления о мире для структурирования окружающей действительности таким образом, чтобы снизить неопределенность в отношениях с другими людьми» [Норт, 2010, с. 20]. С этой целью они принимают активное участие в создании различных институтов, которые определяют взаимодействие между людьми посредством создания систем стимулов, управляющих их поведением [Михневич, 2016].

Институциональная структура представляет собой «комбинацию формальных правил, неформальных ограничений и особенностей их выполнения» [Норт, 2010, с. 20] и отражает убеждения и ценности, сформировавшиеся в обществе в ходе его исторического развития. Внутренняя взаимосвязь между убеждениями и институтами, находящая отражение в формальных правилах, еще более тонко зафиксирована в неформальных институтах, таких как мораль, нормы, конвенции и кодексы поведения. Формальные элементы институциональной структуры могут корректироваться с учетом решений лиц, чьи системы убеждений играют определяющую роль в соответствующих структурах. Но неформальные институты очень часто не подвержены «прямым приказам» и потому более устойчивы [Михневич, 2016].

Инерция, существующая в сложившихся институциональных структурах, находит свое выражение в «эффекте колеи» – факторе, по сути, определяющем динамику развития общества. Он представляет собой «ограничение возможностей выбора, существующих в настоящем, основанное на историческом опыте прошлого» [Норт, 2010, с. 83]. «Эффект колеи» связан с устойчивостью и стабильностью ценностных установок общества, а также с тем, какие из аспектов накопленной информации будут оказывать влияние на процессы дефинизации [Михневич, 2015с].

В роли позитивного проявления «эффекта колеи» может выступать реализация идейного суверенитета, который представляет собой способность общества самостоятельно обеспечивать генерацию или эффективное транспонирование идей, ценностей и целей, а также формирование соответствующих институциональных конструкторов, соответствующих национальным интересам развития и безопасности [Михневич, 2016]. Вместе с тем «эффект колеи» может способствовать фиксации существующего положения вещей и снижению адаптивности общественно-государственной системы к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды. В результате происходит «око-стенение» институциональных структур и существенное ослабление общественно-государственной системы.

Умение справляться с «эффектом колеи», использовать его для решения насущных задач и формирования условий для будущего развития лежит в основе политики «умной силы». Ее эссенцией является сила управления, позволяющая максимально использовать все преимущества «жесткой» и «мягкой» сил. «Умная сила» позволяет и приспособляться к происходящим изменениям, и добиваться изменений, соответ-

³ Про механизмы и практику применения «мягкой силы» Китая см. подробнее в [Михневич, 2014а; 2015b].

ствующих интересам ее субъекта. С другой стороны, сами институты оказывают формирующее и моделирующее воздействие на способы и механизмы реализации «умной силы». Изучение указанной взаимозависимости представляет особый интерес как с теоретической, так и с практической точек зрения.

В фокусе настоящей статьи лежит изучение взаимовлияния процессов институционализации в сфере безопасности, протекающих на пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и Юго-Восточной Азии (ЮВА) в частности, и реализации политики «умной силы» Китая и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Представляется крайне интересным выявить меру корреляции между вышеуказанными явлениями, а также определить результаты развития макрорегиональной динамики в контексте снижения неопределенности в отношении проблем безопасности: какие из процессов институционального строительства и имплементации «умной силы» приводят к увеличению неопределенности, а какие способствуют ее снижению.

Практически все виды дисбалансов, существующих в макрорегионе, в той или иной степени связаны с процессами и институтами в ЮВА. Таким образом, помещение в центр настоящего исследования динамики взаимодействий в сфере безопасности на пространстве ЮВА имеет объективные предпосылки. В первую очередь ввиду того, что именно в этом регионе в рамках макрорегиона АТР функционируют комплексные многосторонние механизмы, в которых принимают участие ключевые региональные и внерегиональные акторы, такие как США и Китай. Действенность этих механизмов такова, что вышеуказанные «мегаакторы» готовы в значительной степени ограничивать свои притязания и следовать установленным принципам. В данном контексте особенно выделяется комплекс площадок, модерлируемых АСЕАН.

В АТР реализуются и иные механизмы взаимодействия по проблемам безопасности, такие как система американских военно-политических союзов. Тем не менее именно институты АСЕАН представляют наибольший интерес, поскольку подавляющее большинство их появилось и получило развитие после окончания «холодной войны», в то время как система американских союзов коренится в совершенно иной исторической эпохе. Именно институты, созданные при активном участии АСЕАН, определяют современную архитектуру взаимодействия по проблемам безопасности во всем АТР. Фактически в других частях макрорегиона в настоящий момент отсутствуют сколь-нибудь эффективно функционирующие механизмы. В данном контексте уместно вспомнить Шестисторонний диалог по ядерной программе КНДР, прошедший в несколько раундов и замороженный в 2009 г., и не приведший к серьезным успехам в разрешении этой проблемы.

Впрочем, не стоит переоценивать и эффективность механизмов, продвигаемых АСЕАН. Страны региона очень остро относятся к своему суверенитету, что во многом обусловлено их историческим опытом и сформировавшимся «эффектом колеи». В. Иванов отмечает, что «государство, будучи источником права, не может и не должно быть безусловно связано им. Устанавливая нормы и правила, оно вправе в исключительной ситуации не только изменять их, отменять, но и просто нарушать. Без этого права нет и не будет никакого подлинного верховенства, независимости, самостоятельности. Все сказанное в соответствующей мере распространяется и на международный правопорядок. В исключительной ситуации государство вправе, в том числе, освобождать себя от любых наложенных им ограничений» [Иванов, 2010, с. 14]. И государства АТР регулярно «тестируют» свой суверенитет посредством действий, направленных на некоторое нарушение принятых правил. Можно говорить о том, что международный режим⁴,

⁴ Автор понятия «международный режим» С. Краснер писал, что «[международные] режимы можно определить как наборы явных или неявных принципов, норм, правил и процедур принятия

сложившийся в макрорегионе, характеризуется склонностью вовлеченных акторов к его нарушению. Особенно отличается этим Китай.

Политика КНР на региональной и макрорегиональной аренах непосредственно определяется эволюцией ее идеологического измерения. Для Китая в большей мере, чем для любой другой крупной державы, важен идеологический концепт, лежащий в основе его внешней политики. Речь идет как об определенных ценностях, транспонируемых с национального уровня на международный, так и об общем видении существующих и целевых моделей взаимодействия. Это проявляется и в риторике китайского руководства, и в официальных концептуальных документах. Китай практически всегда стремился к максимизации собственного влияния на региональной и макрорегиональной арене, даже если для этого использовались не совсем традиционные приемы и методы. После окончания «холодной войны» развитие ситуации в региональной политике привело к формированию целого комплекса институтов, предоставивших Китаю действенные рычаги для воздействия на международные отношения. При этом многие из них имели целью несколько ограничить «свободу рук» и неопределенность в отношении политики КНР. В результате Китай не только не утратил свободу действий, но и выступил в роли центра и ключевого актора всех региональных политико-экономических взаимодействий. Изучению процессов, лежавших в основе такой трансформации, посвящена данная статья.

Эволюция идеологического измерения внешней политики и генезис «умной силы» Китая

Политика «умной силы» разных государств часто характеризуется фундаментальными различиями в ценностном измерении, которое играет определяющую роль в процессах институционализации. Только в одном случае речь идет об объектной функции ценностей, на которые воздействует и к которым апеллирует источник «умной силы», а в другом – к субъектной функции, когда ценности лежат в основе генезиса общих институциональных конструкторов и структур.

В случае с Китаем и США – ключевыми глобальными и региональными акторами – разница наиболее очевидна на примере моделей развития, распространяемых указанными государствами, – «Вашингтонским» и «Пекинским» консенсусами. В рамках «Вашингтонского консенсуса» важную роль в комплексном развитии государств, наряду со свободной рыночной экономикой, играет политическая демократизация. Понятие «Пекинский консенсус», введенное Д.К. Рамо, символизирует альтернативную модель развития, в рамках которой объединяются либеральная экономика и авторитарная политическая система [Ramo, 2004]. Если для США продвижение прав человека является необходимым условием экономического развития, то в Китае обращают внимание на необходимость уважения осознанного выбора модели организации власти и отношения к индивидууму, характерные для различных обществ. Китай уделяет большое внимание тому, чтобы применяемый им подход получал корректную презентацию.

Отсутствие значимых интересов положительного (достижение своих целей) или отрицательного (воспрепятствование достижению целей своим соперником) свойства

решений, к которым сходятся ожидания участников той или иной области международных отношений. Принципы являются верой в факты, причинную зависимость и моральные принципы. Нормы являются стандартами поведения, определенными в терминах прав и обязанностей. Правилами являются предписания и запрещения действий. Процедуры принятия решений – это преобладающие практики совершения и реализации коллективного выбора» [Krasner, 1983, p. 2].

могут фактически девальвировать все ценностные нарративы и декларируемые принципы внешней политики⁵. В том числе и по этой причине Китай старается учитывать американский опыт и формировать собственные подходы к участию в международных делах, которые, с одной стороны, позволяют достигать собственных целей, а с другой — не слишком сильно дискредитировать политику при отклонении от заявляемых идеалов и нарративов.

Традиционно основу подхода КНР к выстраиванию отношений на международной арене составляли «пять принципов мирного сосуществования», впервые изложенные в декабре 1953 г. премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем⁶. Они включают:

- 1) взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности;
- 2) взаимное ненападение;
- 3) невмешательство во внутренние дела друг друга;
- 4) равенство и взаимную выгоду;
- 5) мирное сосуществование.

Указанные принципы вызвали одобрение стран АТР, многие из которых на тот момент сравнительно недавно освободились от колониальной зависимости и обращали особое внимание на проблему суверенитета и его неприкосновенности. Так, в 1976 г. АСЕАН опубликовала документ, получивший название «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» (Treaty on Amity and Cooperation), содержавший следующие положения⁷:

- 1) взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной идентичности всех наций;
- 2) право каждого государства руководить своим существованием без внешнего вмешательства, подрывной деятельности и принуждения;
- 3) невмешательство во внутреннюю политику другого государства;
- 4) разрешение разногласий и споров мирными средствами;
- 5) отказ от применения силы или угрозы силы;
- 6) эффективное сотрудничество между государствами.

⁵ Хорошим примером в данном контексте может служить поведение США в другом регионе — Африке — в отношении событий 1994 г. в Руанде. А. Денисов справедливо замечает: «В ходе руандийского конфликта западные страны, в том числе США, одобрили большое число резолюций, направленных на преодоление кризиса. В то же время они не предприняли фактически ничего, чтобы сделать выполнение собственных решений возможным» [Денисов, 2000]. Данная ситуация говорит о том, что незначительность целей с точки зрения субъекта дефинизации приводит к его нежеланию тратить сколь-нибудь значительные ресурсы на их достижение. А для того, чтобы избежать «потери лица» и завуалировать позицию, используется широкий набор различных политических инструментов, включающих в том числе издание нормативных правовых актов «двойного назначения». Они призваны урегулировать комплекс вопросов по обозначенному проблемному полю и целенаправленно ограничивать «свободу рук» во избежание слишком серьезных расходов. Так, применительно к руандскому конфликту концептуальным обоснованием действий США стал «Документ № 25», полное название которого звучит так: «Политика администрации Клинтона в вопросах реформирования многосторонних операций по поддержанию мира». Разумеется, страны АТР не питают иллюзий в отношении целей и пределов политической воли США, готовых принимать участие в разрешении региональных проблем ровно настолько, насколько это соотносится с их интересами. В случае необходимости будет издан аналогичный акт, по сути, торпедирующий положительное участие Соединенных Штатов в процессах кризисного урегулирования, как это было с Руандой. Но понимает это и Китай.

⁶ Более подробно вопрос эволюции идеологического измерения внешней политики КНР рассматривается в статье [Михневич, 2013].

⁷ Declaration of ASEAN Concord Indonesia. 1976. 24 February. Режим доступа: <http://www.asean.org/news/item/declaration-of-asean-concord-indonesia-24-february-1976> (дата обращения: 30.11.2015).

Сходство между позициями КНР и АСЕАН видно невооруженным взглядом. Близкие ценности, лежащие в основе задекларированных подходов, позволяют существенным образом «снизить асинхронность в восприятии и определении политических действий друг друга и внешних игроков. Иными словами, существует схожая система координат, в рамках которой те или иные политические действия и нарративы играют похожую роль в дефинизации друг друга [Михневич, 2014b, с. 33–52]. Формирование идеологического каркаса для проведения внешней политики в целевом регионе, близкого подходам региональных акторов, стало ярким проявлением «умной силы» КНР задолго до появления самого этого понятия.

Однако если бы все было так просто, то гармония и мир воцарились бы в АТР достаточно быстро. Тем не менее этого пока не произошло, поскольку нормативное измерение политики и ее практическая реализация часто представляют собой совершенно разные вещи. Здесь уместно обратиться к двум цитатам Мао Цзэдуна, лидера КНР в 1949–1976 гг.

В 1957 г. в своем выступлении на международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве он заявил, что если в случае мировой ядерной войны «половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен, и во всем мире будет лишь социализм, а за полвека или за целый век население опять вырастет, даже больше чем наполовину» [История Востока, 2008, с. 838]. И другой пример. В августе 1965 г. на заседании Политбюро КПК Мао Цзэдун заявил: «Мы обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур...» [Малетин, 2007, с. 19]. Вскоре после этого существенно усилилась политика КНР, направленная на дестабилизацию ситуации в регионе. Более того, именно она стала одной из ключевых причин создания АСЕАН [Shambaugh, 2005, p. 65].

Нетрудно заметить, что в течение долгого времени внешняя политика КНР носила как минимум неоднозначный характер. Это вызывало серьезные опасения у соседей Китая по региону. Существенной проблемой в реализации внешней политики Китая была необходимость следовать в ее проведении целевым максимам, декларировавшимся руководством страны, не всегда корректно оценивавшим международную ситуацию через призму идеологии. Чего стоит хотя бы тезис Мао Цзэдуна о неизбежности третьей мировой войны.

После июня 1989 г. Китай в своих отношениях со странами ЮВА взял на вооружение политику «добрососедства», ставшую одним из средств смягчения восприятия «китайской угрозы». В ней выделяются четыре ключевых элемента [Haacke, 2005, p. 114]:

- 1) стратегическое вовлечение в интересах региональной стабильности;
- 2) стремление к более тесной экономической кооперации;
- 3) интенсификация культурных и политических обменов;
- 4) поддержка позитивных инициатив в региональной безопасности.

Данные принципы продемонстрировали изменения в китайском видении международных отношений, которое стало значительно более прагматичным и гибким, что связано с трансформациями в познании/понимании международной среды и дефинизации КНР. В 1987 г. тогдашним главой МИД КНР Цянь Цичэнем была озвучена идея, легшая в основу всей китайской региональной политики после окончания «холодной войны» [Остроухов, Слаицкий, 2001, с. 49]: «...обеспечение национальной независимости и государственной безопасности зависит от экономического развития, национальной мощи и активного вовлечения в борьбу за защиту регионального и международного мира, но, ни в коем случае, не от простого наращивания вооружений». А с 1992 г.

с подачи Дэн Сяопина вопросы обеспечения экономического аспекта безопасности страны вышли на первое место, что также может говорить об окончательной победе рационального видения собственной политики и международных отношений [Гун Ли, 2004, с. 13].

Тогда же Дэн Сяопином были сформулированы восемь ключевых постулатов «платформы», задающих и сегодня внешнюю политику КНР [Лузянин, Мамонов, 2011, с. 9]: «...хладнокровно наблюдать, укреплять позиции, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности, выигрывая время, не привлекать к себе внимания, никогда не становиться лидером, делать конкретные дела» [Czjan' Czjemin, 2002]. Дэн Сяопин также указал на прямую зависимость между государственным суверенитетом и развитием государства, прежде всего в экономической сфере: «Обеспечение суверенитета и прогрессивного развития находятся в органическом единстве» [Гун Ли, 2004, с. 15]. А обеспечение прогрессивного развития неразрывно связано с окружением, в котором существует Китай, поэтому важнейшей целью Китая является формирование благоприятного окружения. Стремление КНР снизить «неизвестную неопределенность» в отношении перспектив собственного развития и было основной причиной вышеуказанных трансформаций.

К середине 1990-х китайские аналитики пришли к выводам о снижении способности США в одиночку выступать в качестве лидера всего АТР [Qimao Chen, 1993, p. 240–241]. На тот момент это не подтолкнуло китайское руководство к попыткам «перехватить» данное лидерство. Усилия Китая сконцентрировались на проведении более самостоятельной политики «среднего масштаба». Китайская дипломатия активно занялась проблемами создания «позитивного окружения» по границам. Пекин стремился создать «пояс контактных зон» с внешним миром [Мамонов, 2007]. Примерно в это же время Китай на официальном уровне вернулся к разрабатывавшейся ранее концепции многополярности. В работах западных экспертов обращение Китая к многополярности виделось как очередной шаг к изменению в свою пользу сложившегося баланса в системе международных отношений, тогда как китайские эксперты видели в многополярности формы и правила взаимодействия в рамках существующей системы международных отношений. В соответствии с новой концепцией считается, что угрозу безопасности в процессе мультиполяризации создает не соотношение сил, а политика, проводимая в отношении этого процесса.

В 1997 г. в разгар азиатского валютно-финансового кризиса Китай опубликовал документ, ставший краеугольным камнем «дипломатии улыбок» [Локшин, 2013, с. 32] – нового этапа во внешней политике КНР – «Новую концепцию безопасности». В ней политическая стабильность и экономическое процветание стали напрямую увязываться с аналогичной стабильностью и процветанием в сопредельных государствах [Канаев, 2007, с. 170]. Эти элементы были концептуализированы в формате «четыре нет»: «нет» гегемонизму, «нет» политике применения силы, «нет» гонке вооружений и «нет» военным альянсам. По задумке китайских стратегов новая концепция безопасности прокладывала путь к региональной стабильности и миру. В рамках ее реализации планировалось повышать меры доверия, заниматься решением общих проблем безопасности, использовать сотрудничество и мирные средства разрешения существовавших споров. Кроме того, в качестве ключевых инструментов формирования нового регионального порядка подтверждалась роль дипломатии и экономической взаимозависимости [Нааске, 2005, p. 115].

Указанные инициативы КНР получили серьезную поддержку в странах – соседях по АТР, в частности среди стран – членов АСЕАН, которые в известной степени по-

считали модернизацию китайской политики успехом своих начинаний. Так, несколько ранее КНР стала одним из членов Регионального форума АСЕАН (АРФ), многосторонней площадки, изначально создававшейся для мирного вовлечения Китая в региональные процессы. Однако, по мнению некоторых видных экспертов, таких как Е.А. Канаев, идея многополярности, продвигавшаяся КНР, представляла стратегическую ловушку для АСЕАН, поскольку «Китай не выделил Ассоциацию в качестве отдельного полюса многополярного мира. Следовательно, стратегический расчет был в том, чтобы посредством “асимметричного”, т.е. изначально с безусловным преимуществом Китая, экономического сотрудничества и контролируемые Китаем многосторонними обсуждениями актуальных проблем ЮВА сделать ее “зоной повышенной проницаемости” долгосрочных интересов Пекина» [Канаев, 2007, с. 170–171].

Указанная амбивалентность стала одним из серьезных достижений китайской «умной силы» в рассматриваемый период. Китаю удалось сформировать правила игры, приемлемые для иных региональных акторов, и при этом сформировать серьезный потенциал для дальнейшего усиления собственного влияния. Практически под лозунгом повышения прозрачности и взаимовыгодности политики КНР для ее партнеров была осуществлена генерация «неизвестной неопределенности» для стран региона. Принципы отношений со странами ЮВА и АСЕАН, заложенные в указанный период, в дальнейшем нашли отражение в совместной деятельности по формированию новых общерегиональных институтов: от механизмов АСЕАН+3 и Восточноазиатских саммитов до реализации инициатив по отдельным направлениям сотрудничества⁸. Многие из этих документов соответствовали интересам Китая в значительно большей степени, нежели интересам стран АСЕАН, которые во многом были введены в заблуждение новым лицом китайской внешней политики. На тот момент можно было говорить о том, что Китаю удалось сделать серьезный шаг в разрыве «эффекта колеи», в известной степени ограничивавшего его возможности и перспективы в региональных делах.

В 2003 г. КНР приняла на вооружение новую концепцию «мирного восхождения», основные положения которой сформулировал Чжэн Бицзянь⁹. Ее суть сводилась к трем ключевым тезисам [Михневич, 2013, с. 203]:

1. Стратегия Китая заключается в сохранении и создании соответствующих условий для мирного подъема страны посредством продолжения самостоятельного движения по пути построения социализма с китайской спецификой при активном взаимовыгодном для всех участвующих сторон участии в экономической глобализации.
2. Китай не может обойтись без мирного международного окружения, несмотря на стремление осуществлять свое возвышение, опираясь на собственные силы.
3. Возвышение, являющееся целью Китая, будет исключительно мирным: КНР не приемлет путь агрессии и внешней экспансии.

Активная фаза концепции «мирного восхождения» была сравнительно недолгой. Неоднозначное восприятие данной идеологии как за рубежом, так и в самом Китае привело к тому, что китайские власти отказались от ее продвижения [Леонард, 2010]. Тем не менее концепция «мирного восхождения» и по сей день выступает в роли определенного «идеологического фона», обрамляющего внешнюю политику и стратегию КНР.

⁸ Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море, зона свободной торговли Китай – АСЕАН, ряд документов о сотрудничестве по проблемам нетрадиционной безопасности и т.д.

⁹ Концепция выдвинута на Боаоском форуме на о. Хайнань, затем была оформлена в многочисленных публикациях, например, в 2005 г. для Foreign Affairs [Леонард, 2010, с. 142–149].

В целом политика КНР на международной арене в первой половине 2000-х годов являла собой явный пример «Наступательности и осторожности». Китай стремился постепенно заполнять небольшие области и сферы в АТР, главным образом в ЮВА, где образовывался вакуум силы из-за определенных трудностей у США [Михеев, 2005, с. 358–398]. По мысли китайского руководства подобный подход должен был способствовать эффективному противостоянию американской политике сдерживания КНР.

С середины 2000-х годов в основу внешней политики КНР легли идеологические разработки, подготовленные Ху Цзиньтао, бывшим председателем КНР, которые во многом продолжают оставаться актуальными элементами китайской внешнеполитической идеологии. Основой современного подхода Китая к международным отношениям является «теория гармоничного мира», ставившая цели минимизации страхов международного сообщества относительно идеи возвышения Китая, пусть и мирного [Нааске, 2005, р. 114]. В ней была развита мысль о необходимости взаимодействия с мировыми лидерами, нежели о «борьбе с гегемонизмом». Целью данной концепции является «достижение политического равновесия» [Чуфрин, 2007, с. 14]:

- между развитием собственной страны и ответственностью перед мировым сообществом;
- между экономическими, политическими интересами и интересами безопасности в отношениях с великими державами;
- между проведением реформ и обеспечением международного порядка.

Что касается отношений с ключевым глобальным центром силы – США, то в большинстве случаев Китай предпочитает сотрудничать, нежели участвовать в конфронтации с Соединенными Штатами в региональной политике в ЮВА и на глобальном уровне, особенно если это касается военно-политического аспекта. К примеру, это декларируется в таких документах, как публикующиеся с 1998 г. «Белые книги национальной обороны КНР». Начало их публикации стало одним из элементов китайской Новой концепции безопасности, направленных на повышение прозрачности политики безопасности Китая и снижение обеспокоенности растущими военными возможностями КНР. Так, в «Белой книге обороны-2010» сказано, что «исходя из пути развития, коренных задач, внешней политики и культурно-исторических традиций, Китай неизбежно придерживается оборонной политики оборонительного характера. Китай неуклонно идет по пути мирного развития, непоколебимо продвигает реформы и открытость внешнему миру и строительство социалистической модернизации, неизменно проводит независимую, самостоятельную и мирную внешнюю политику, выступает за разрешение споров невоенными средствами, относится к войне со всей серьезностью и готов нанести решительный удар в ответ на агрессивную деятельность. И сейчас и в будущем, независимо от степени развития, Китай никогда не будет стремиться к гегемонизму и участвовать в военной экспансии»¹⁰.

Однако в последней редакции «Белой книги», опубликованной 26 мая 2015 г. и получившей название «Белая книга военной стратегии КНР», наблюдается существенное смещение акцентов в политике КНР по обеспечению своей национальной безопасности¹¹, которые уже вызывали серьезный рост обеспокоенности в странах АТР. Данный документ содержит положения, никогда ранее не встречавшиеся в предыдущих «Белых

¹⁰ «Белая книга»: Китай придерживается оборонной политики оборонительного характера // Агентство Синьхуа. 2011. 31 марта. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95184/7336995.html> (дата обращения: 30.11.2015).

¹¹ Li Xiaokun China Issues First White Paper on Military Strategy // Chinadaily.com.cn. 2015. 26 May. Режим доступа: http://m.chinadaily.com.cn/en/2015-05/26/content_20820125.htm (дата обращения: 25.11.2015).

книгах» КНР. Так, это первая «Белая книга», в которой основной акцент делается на военной стратегии КНР вместо отдельных аспектов военной политики. В предисловии к документу говорится о приверженности Китая политике активной обороны, интерпретируемой как «мы не будем атаковать, пока нас не атакуют, но если нас атакуют, мы ответим контратакой» [Чуфрин, 2007]. Далее подчеркивается, что Китай никогда не будет стремиться к гегемонии или экспансии. В документе отмечаются ключевые вызовы безопасности КНР, связанные с политикой некоторых государств, например, растущее военное присутствие США в Азии и серьезные изменения в японской политике безопасности. Впервые констатируется, что некоторые из соседей КНР предпринимают провокационные действия и укрепляют свое военное присутствие на китайских островах и рифах, которые они незаконно занимают [Ibid.]. Соответственно делается вывод, что обеспечение прав и интересов Китая на море является долгосрочным интересом страны. Одновременно говорится, что ВМФ НОАК (Народно-освободительной армии Китая) будет постепенно фокусироваться на действиях, сочетающих оборону прибрежных вод и защиту [интересов] в открытом море, вместо концентрации на обороне прибрежных вод. Помимо моря в число стратегических сфер/аспектов обороны КНР вошли также киберпространство, космос и ядерное оружие¹². Также в «Белой книге» отмечается, что НОАК будут более активно участвовать в миротворческих операциях и предоставлении гуманитарной помощи¹³.

Таким образом, наряду со стремлением Китая продемонстрировать прозрачность и стратегические цели своего военного строительства, положения «Белой книги» могут привести к и обратной реакции – росту обеспокоенности стран региона и очередному витку напряженности. Тем не менее подобная своеобразная «демонстрация мускулов»¹⁴ может сослужить полезную службу в отношении снижения общего уровня неопределенности в регионе. Страны региона имеют возможность оценить интересы Китая и сформировать понимание своих ресурсов и потенциальных последствий тех или иных шагов, направленных на противодействие КНР.

Особое внимание руководства стран региона, а также США привлекает китайская концепция активной офшорной обороны, иначе именуемой «ограничение доступа/скользование сил противника на территории» (Anti Access/Area Denial или A2/AD). «Суть ее первой части – не дать противнику зайти на определенную территорию, а второй – не дать ему там развернуться, если он все же туда зашел. Этой территорией можно считать район “первой цепи островов”, охватывающий воды Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей» [Михеев, Швыдко, 2014, с. 72]. Как отмечается в ежегодном докладе Конгрессу США за 2015 г., посвященном военной политике КНР, «Китай инвестирует значительные средства на военные программы и оружие, нацеленные на улучшение широких возможностей по проецированию силы, A2/AD, а также операции в новых областях, как киберпространство, военное использование космоса и оружие электромагнитного спектра» [Annual report, 2015, p. 31]. Авторы доклада подчеркивают, что «существующие тенденции в развитии китайских вооружений позволят НОАК проводить ширококомасштабные и разнообразные военные операции в Азии вдали от традиционных китайских территориальных притязаний» [Ibid.]. Растущие возможности КНР вызывают серьезную озабоченность и опасения во всем АТР, вынуждая более

¹² White Paper Outlines China's Active Defence' Strategy // Xinhua Agency. 2015. 26 May. Режим доступа: http://m.chinadaily.com.cn/en/2015-05/26/content_20825967.htm (дата обращения: 31.05.2015).

¹³ Ibid.

¹⁴ Служащая показателем оценки со стороны китайского руководства растущей напряженности в близлежащих морских пространствах.

слабых соперников КНР искать новые средства противостояния Китаю, подобные A2/AD. Результатом становятся постоянно увеличивающиеся траты на программы вооружений и подготовку вооруженных сил. В определенном смысле это приводит к раскручиванию «спирали неопределенности» в региональных отношениях.

Ключевые интересы КНР, разумеется, не исчерпываются исключительно обеспечением военно-политической безопасности страны. Так, бывший постоянный член ЦК КПК Дай Бинго в своих статьях неоднократно подчеркивал, что Китай не может развиваться в изоляции от мира, но и мир не способен достичь процветания и стабильности без КНР. Он отмечал следующие ключевые интересы современного Китая: «Во-первых, политическая модель Китая, стабильность руководящей роли КПК, социалистического строя. Во-вторых, территориальная целостность Китая, его независимость и национальное единство. В-третьих, гарантии стабильного экономического и социального развития КНР. Эти интересы ни в коем случае не должны нарушаться»¹⁵.

Несмотря на различные механизмы повышения информированности международного сообщества относительно целей и задач китайской внешней политики, руководство страны испытывает серьезные проблемы с формированием позитивного фона в дефинизации и секьюритизации региона. Очередная попытка исправить ситуацию: реструктурировать внешнюю политику КНР, вывести ее на новый уровень, создать условия для дальнейшего возвышения Китая, нашла отражение в термине «китайская мечта», предложенном председателем КНР Си Цзиньпином. Указанное понятие содержит в себе курс на «возрождение нации, улучшение жизни народа, повышение его благосостояния, создание нового общества и укрепление военных возможностей государства», возрождение нации и счастье народа¹⁶. Введение понятия китайской мечты в официальный оборот, в свою очередь, является одним из элементов «умной силы», оказывающим формообразующее влияние на дефинизацию КНР.

На международной арене «китайская мечта» используется «во-первых, как концепция, на основе которой Китай будет выстраивать сотрудничество с другими странами, и, во-вторых, как возможность для других стран использовать развитие Китая себе во благо» [Михеев, Швыдко, 2014, с. 48]. Однако по сей день концепция «китайской мечты» не получила более или менее конкретного формализованного обрамления. По этой причине на сегодняшний день непонятно, будет ли она иметь самостоятельное значение или в той или иной форме будет инкорпорирована в новую внешнеполитическую доктрину КНР. По сути, «китайская мечта» «превращается в своего рода национальный бренд, которым китайские лидеры оперируют в зависимости от ситуации, обращаясь к различным слоям китайского общества или к внешнему миру» [Михеев, Швыдко, 2014]. Справедливости ради необходимо сказать, что впервые понятие «китайской мечты» появилось в работах Чжэн Бицзяня в середине 2000-х годов. В них он отмечал неразрывную связь между развитием Китая и выстраиванием эффективного взаимодействия с международными акторами [Chzhjen Biczjan', 2014, p. 83–115].

¹⁵ Дай Бинго (2010) Придерживаться пути мирного развития // China news. 2010. 7 декабря (на китайском языке). Режим доступа: <http://www.chinanews.com/gn/2010/12-07/2704984.shtml> (дата обращения: 30.11.2015).

¹⁶ Chinese Dream // Xinhua Agency. 2013. 17 марта. Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/english/special/chinesedream/> (дата обращения: 07.12.2013); Xi Jinping: Pursuing Dream for 1.3 billion Chinese // Xinhua Agency. 2013. 17 марта. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-03/17/c_124467411.htm (дата обращения: 07.12.2013); Chinese Dream Resonates Online after Xi's Speech // China Daily. 2012. 30 November. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-11/30/content_15976157.htm (дата обращения: 07.12.2013).

Концепцию «китайской мечты» дополняет ряд сопряженных теоретических конструкций, нацеленных на ее адаптацию за рубежом. Одними из наиболее ярких и продвигаемых идеологических продуктов стали концепции «сообщества единой судьбы» и «один пояс и один путь».

С реализацией «китайской мечты» связана и свежая инициатива китайского руководства в отношениях с АСЕАН «2+7», впервые представленная премьером Ли Кэцяном в октябре 2013 г. на саммите Китай – АСЕАН и подтвержденная на саммитах 2014 г. и 2015 г.¹⁷ Инициатива «2+7» использует экономические предпосылки для повышения уровня политического диалога и координации отношений между КНР и АСЕАН по вопросам экономики, политики и безопасности по сравнению со всеми другими партнерами АСЕАН по диалогу [Arase, 2015, p. 1]. Указанная инициатива подразумевает одновременное развитие сотрудничества в сфере экономики и политики и безопасности в тандеме в качестве основы отношений КНР и АСЕАН (цифра 2 в названии инициативы). Повестка дня сотрудничества по обоим фронтам должна включить семь основных пунктов (цифра 7 в названии инициативы) [Arase, 2015, p. 3]:

- 1) подписание нового договора о добрососедстве и сотрудничестве между КНР и АСЕАН;
- 2) проведение ежегодных встреч министров обороны АСЕАН и КНР;
- 3) продвижение зоны свободной торговли Китай – АСЕАН в целях достижения к 2020 г. объема товарооборота в 1 трлн долл. США;
- 4) создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций;
- 5) расширение валютных свопов в юанях, использования юаня в торговле и банковских услугах в регионе;
- 6) продвижение сотрудничества в Южно-Китайском море (ЮКМ), в том числе посредством ежегодных министерских встреч по морской тематике;
- 7) продвижение культурных обменов, сотрудничества в науке и охране окружающей среде.

Две из указанных инициатив (1 и 2) непосредственно относятся к тематике сотрудничества в сфере политики и безопасности, в то время как остальные пять – в большей степени к социально-экономическому сотрудничеству. Вместе с тем по наиболее острой теме отношений между КНР и АСЕАН – спорных территориях в ЮКМ – Китай продемонстрировал жесткость. Ли Кэцян в очередной раз подтвердил, что «китайское правительство незыблемо в своей решимости отстаивать национальный суверенитет и территориальную целостность»¹⁸. Таким образом, даже в наиболее актуальных и «умных силовых» инициативах Китай демонстрирует влияние «эффекта колее» и особой значимости суверенитета в своей региональной политике. Более подробно применение экономических механизмов «умной силы» КНР будет рассмотрено в одной из будущих статей.

¹⁷ Выступление премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцяна на 16-м саммите Китай – АСЕАН. 2013. 10 октября (Remarks by H.E. Li Keqiang Premier of the State Council of the People's Republic of China At the 16th ASEAN – China Summit, 10 October 2013). Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/lkqzlcxdyldrxlhy_665684/t1089853.shtml (дата обращения: 15.02.2016); выступление премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцяна на 17-м саммите Китай – АСЕАН. 2014. 13 ноября (Remarks by H.E. Li Keqiang Premier of the State Council of the People's Republic of China At the 17th ASEAN-China Summit, 13 November 2014). Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/yzs_663350/xwlb_663352/t1212266.shtml (дата обращения: 15.02.2016).

¹⁸ Выступление премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцяна на 17-м саммите Китай – АСЕАН. 2014. 13 ноября. (Remarks by H.E. Li Keqiang Premier of the State Council of the People's Republic of China At the 17th ASEAN-China Summit, 13 November 2014). Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/yzs_663350/xwlb_663352/t1212266.shtml (дата обращения: 15.02.2016).

Структурные особенности региональной архитектуры безопасности в Юго-Восточной Азии

В регионе существует семь основных моделей сотрудничества по вопросам безопасности¹⁹, которые формируют региональную архитектуру.

1. Многосторонние механизмы безопасности, инициатива создания которых исходила не от АСЕАН: «Соглашения об обороне между пятью силами» (Five Powers Defense Arrangements); антипиратское сотрудничество, модерлируемое Японией²⁰.
2. Ведомое Соединенными Штатами сотрудничество в сфере безопасности, включающее систему двусторонних союзов и соглашений о безопасности, а также многосторонних инициатив.
3. Направляемая Китаем, но основанная АСЕАН модель сотрудничества, наиболее ярким примером которой является АСЕАН+3.
4. Многосторонние механизмы безопасности под руководством АСЕАН: АРФ, Встречи министров обороны стран АСЕАН + (ADMM+).
5. Негласные союзнические отношения КНР с рядом стран ЮВА и КНДР.
6. Двусторонние соглашения по специальным темам, таким как обмен разведанными, противодействие терроризму, а также двусторонние диалоговые процессы по проблемам безопасности (Китай – США, Китай – Япония).
7. Иные механизмы взаимодействия по проблемам безопасности: «Соглашение об обороне между пятью государствами», рабочие группы в АТЭС и т.д.

Наряду с отмеченными выше официальными механизмами взаимодействия в макрорегионе существует значительное число организаций дипломатии «второй до-

¹⁹ Мы выделяем следующие типы проблем безопасности.

Проблемы традиционной безопасности, как безопасности основанной на суверенитете, национальном единении и территориальной целостности, т.е. проблемы безопасности военного, политического и дипломатического характера, индуцируемые государствами как однотипными акторами. При этом в качестве объекта подобной деятельности выступали другие государства как соперничающие акторы в борьбе за перераспределение влияния в рамках международной системы.

К проблемам нетрадиционной безопасности (угрозы, вызовы и риски нетрадиционного ряда или новые угрозы, вызовы, риски) относятся иные факторы, затрудняющие нормальное функционирование суверенных государств и существование человечества. Источники подобных проблем безопасности, как правило, имеют негосударственную природу, т.е. их индукция осуществляется не в рамках существующей системы международных отношений. Тем не менее нетрадиционные проблемы безопасности могут быть связаны с деятельностью государств как целенаправленной, так и побочной.

Проблемы нетрадиционной безопасности также могут быть классифицированы посредством их разделения на две базовых группы в зависимости от наличия или отсутствия вооруженной угрозы или вооруженной компоненты индукции и (или) разрешения проблемы безопасности. В группу проблем безопасности с вооруженной компонентой (нетрадиционные вооруженные проблемы безопасности) предлагается включить проблемы безопасности, в целях разрешения которых в качестве одного из базовых средств применяется легитимное насилие (примеры: сепаратизм, наркоторговля, пиратство, торговля людьми).

В группу проблем безопасности без вооруженной компоненты (нетрадиционные невооруженные проблемы безопасности) могут быть отнесены различные явления и события, приводящие к снижению общего уровня безопасности отдельных акторов, но индукция и (или) разрешение которых не связаны с применением легитимного насилия в качестве одного из базовых средств (проблемы экономической, финансовой, энергетической, экологической безопасности, массовых миграций, поступательности и устойчивости развития, проблема распространения массовых инфекционных заболеваний и т.д.).

²⁰ Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery Against Ships in Asia (ReCAAP) // Официальный сайт ReCAAP. Режим доступа: www.recaap.org (дата обращения: 25.11.2015).

рожки», в рамках которых в дискуссиях по наиболее актуальным региональным проблемам принимают участие видные представители экспертного сообщества: Азиатско-Тихоокеанский совет сотрудничества по безопасности (CSCAP), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СICA), форум Шангри-Ла и др. Функционирование подобных структур содействует укреплению мер доверия между странами, углублению понимания и формированию комплексной повестки дня [Михневич, 2014с].

Институционализация взаимодействия по проблемам безопасности в АТР тесно связана с деятельностью АСЕАН. Причина этого кроется в том, что Ассоциация в той или иной степени причастна практически ко всем существующим механизмам взаимодействия по вопросам безопасности в АТР, а также со стратегической важностью данного региона во внешнеполитических стратегиях крупнейших акторов: КНР, США и Японии. «Усилиями АСЕАН была создана система безопасности на основе сотрудничества в Тихом океане, нацеленная на проведение мониторинга стратегической среды с целью не допустить эскалации угроз региональной безопасности до состояния крупных кризисов» [Михеев, Швыдко, 2014, с. 122].

Фактически многосторонний диалоговый процесс по вопросам безопасности в АТР осуществляется именно на площадках, созданных АСЕАН, а многие инициативы Ассоциации и задачи развития ЮВА стали основой для формирования механизмов безопасности ad hoc. Указанные структуры были сформированы после окончания «холодной войны» и могут служить примером эволюции макрорегиональной архитектуры безопасности, являясь практически единственными постоянно действующими многосторонними институтами в сфере региональной безопасности.

Первоначально взаимодействие происходило на заседаниях Регионального форума АСЕАН по проблемам безопасности (АРФ). Сегодня Ассоциация выстраивает систему многостороннего сотрудничества по вопросам безопасности в АТР в виде своеобразного треугольника. Углами его основания являются АРФ и АДММ+, а вершиной – Восточноазиатский саммит (ВАС). Ассоциация определяет повестку заседаний всех трех форматов, выполняя, таким образом, функции их «локомотива» [Михеев, Швыдко, 2014].

Идеологической и ценностной основой многостороннего диалога на площадках АСЕАН, позволившей обеспечить успешное «институциональное конструирование», является применение принципов и правил деятельности АСЕАН на основе «Духа АСЕАН» (ASEAN Spirit) и «Пути АСЕАН» (ASEAN Way). Указанные правила подразумевают принцип консенсуса, а также неформальные механизмы согласования позиций и разрешения конфликтных ситуаций, наличие четко выраженного намерения решать региональные проблемы в рамках региона [Acharya, 1998, p. 208–213]. По сути, идеи «Духа и Пути АСЕАН» выступают в роли «смазки», стимулирующей диалог и сотрудничество в рамках предлагаемых площадок, и представляют собой ключевой элемент коллективной «умной силы» Ассоциации. Вместе с тем предлагаемые идеи способствовали не только максимизации возможностей АСЕАН, но и усилению позиций КНР.

Несмотря на серьезные достижения многосторонней институционализации под эгидой АСЕАН, в сфере традиционной безопасности по-прежнему сохраняются структуры, созданные в годы «холодной войны», такие как американская система союзов. Учитывая, что движение в сторону изменения status quo в регионе достаточно медленное, ожидать скорого «отмирания» механизмов, созданных в предыдущую историческую эпоху, пока не приходится. К тому же против этого выступают крупные акторы, рискующие утратить свое региональное влияние в случае отказа от них, в первую очередь США.

Для понимания ключевых особенностей, лежащих в основе формирования макро-регионального пространства на основе структур взаимодействия, действующих в ЮВА, первостепенное значение имеет анализ многосторонних механизмов, созданных по инициативе АСЕАН. Именно они наиболее точно отображают процессы региональной секьюритизации, ее особенности и цели, отношение к сотрудничеству с внешними акторами и организацию отношений в рамках региона.

В развитии регионального взаимодействия по проблемам безопасности после окончания «холодной войны» хронологически можно выделить три основных этапа:

- 1) 1990–1997 гг.;
- 2) 1998–2008 гг.;
- 3) 2008 г. – н. в.

Первый этап эволюции регионального взаимодействия по проблемам безопасности

Основной тенденцией первого этапа (1990–1997 гг.) стало вовлечение КНР в диалоговый процесс по проблемам безопасности и соответствующие региональные механизмы. Кроме того, данный этап характеризовался усилением макрорегионального влияния АСЕАН, ставшей региональной организацией, объединившей в течение данного периода все страны ЮВА.

Начало 1990-х годов в регионе сопровождалось нарастанием вакуума безопасности, наиболее вероятным кандидатом на заполнение которого стал Китай. У руководства АСЕАН существовали опасения относительно политики КНР: изменение глобальной и региональной среды предоставило Китаю шанс для радикального усиления влияния на процессы безопасности в ЮВА. В связи с этим в Ассоциации решили прибегнуть к методу вовлечения КНР в многосторонние механизмы взаимодействия по проблемам безопасности в целях повышения прогнозируемости китайской внешней политики в регионе, создания мер доверия и условий для налаживания взаимовыгодного сотрудничества между странами региона и Китаем.

Базовым механизмом участия КНР в процессах региональной секьюритизации стал созданный в 1994 г. специально для этих целей АРФ – многосторонняя диалоговая площадка по проблемам безопасности в регионе. В уставном документе АРФ²¹ основной задачей форума является организация конструктивного диалога АСЕАН с партнерами организации посредством прохождения трех последовательных этапов: «укрепления доверия, развития превентивной дипломатии, выработки общих подходов к урегулированию конфликтов» [Acharya, 1998]. Главной особенностью процесса взаимодействия по вопросам безопасности в рамках АРФ является то, что это «процесс региональных взаимодействий и сотрудничества, базирующийся на постепенности, неформальности, консенсусе, личных политических связях, неконфронтационной манере ведения переговоров, большей значимости процесса по сравнению с результатом» [Acharya, 1999, p. 55–84].

Первоначально скептический настрой руководства Китая в отношении идеи многостороннего механизма с участием Японии и США был связан с опасениями по поводу главенствующей роли данных стран в определении повестки дня, а также по вопросу интернационализации проблемы Тайваня в ходе работы форума. Но взаимодействие в рамках АРФ, основанное на принципах консенсуса в определении повест-

²¹ ASEAN Regional Forum documents series 1994–2006. Asean Regional Forum. Jakarta, 2007.

ки дня, а также восприятие многими странами ЮВА Китая в качестве потенциальной угрозы их безопасности, заставило КНР принять более активное участие в работе механизма. Опасения КНР достаточно быстро были устранены или существенно ослабли с началом деятельности АРФ [Канаев, 2011, с. 132–134]. На первом же установочном заседании форума, состоявшемся в 1994 г. в Бангкоке, наиболее острые для Китая проблемы, такие как спорные территории в ЮКМ, в повестке дня не значились. На втором заседании, состоявшемся в 1995 г. в Брунее, Филиппины попробовали вынести на рассмотрение участников АРФ вопрос о политике КНР в ЮКМ, что стало реакцией Манилы на обострение отношений с КНР из-за рифа Миссиф, случившееся в том же году. Но китайские дипломаты смогли успешно заблокировать обсуждение предложения Филиппин. Участники заседания, по сути, лишь подтвердили наличие «очага напряженности» в ЮКМ и высказали свое опасение на сей счет. Практически ситуация с первой попыткой вынести проблему ЮКМ на рассмотрение АРФ весьма показательна, поскольку в будущем она неоднократно повторялась и с почти неизменным результатом. Первые итоги деятельности АРФ были весьма обнадеживающими для КНР и не слишком хорошими для стран АСЕАН. Во многом именно с ними связано резкое изменение отношения руководства Китая к многостороннему диалогу на площадке АРФ. В целом можно перечислить следующие причины корректировки позиции КНР [Канаев, 2011]:

1. Тенденция к формированию миропорядка с множественными центрами силы поставила Китай перед необходимостью принимать участие в его созидании. Поскольку в противном случае КНР могла утратить не только контроль над развитием ситуации в регионе, но и потерять привлекательные возможности для собственного развития.

2. Китай столкнулся с необходимостью снижения опасений в отношении собственной политики в регионе, которая воспринималась многими региональными акторами в качестве деструктивной и генерирующей угрозы безопасности.

3. В Китае пришли к выводу, что особенности механизмов и процедур диалогового процесса, предлагаемые АСЕАН, могут быть с успехом использованы для предотвращения попыток негативных политических шагов других государств, а также для продвижения собственной повестки дня.

Стоит отметить, что на протяжении практически всего первого этапа эволюции регионального взаимодействия по вопросам безопасности в ЮВА проблема ЮКМ была главной темой регионального дискурса. Тем не менее незадолго до его окончания в круг коллективной дефинизации все активнее начали включаться проблемы нетрадиционной безопасности, особенно с вооруженной компонентой²². Китаю удалось с успехом воспользоваться институциональными возможностями, предоставленными АСЕАН, существенно повысив уровень собственного присутствия в региональных делах, и накопить положительный опыт выстраивания диалоговых процессов со странами региона. Практически можно говорить о том, что образовавшийся разрыв между ресурсами и результатами, планировавшимися АСЕАН, был заполнен КНР, которая хоть и не участвовала непосредственно в формировании институциональных структур, оказала моделирующее воздействие на выбор форм и характера взаимодействия, т.е. неформальные ограничения.

²² ASEAN Declaration on Transnational Crime. 1997. 20 December. Режим доступа: <http://www.asean.org/communities/asean-political-security-community/item/asean-declaration-on-transnational-crime-manila-20-december-1997> (дата обращения: 30.11.2015).

Второй этап регионального взаимодействия по проблемам безопасности

Ключевым событием, разделившим этапы развития региональной системы, стал азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. В ходе кризиса развитые страны Запада фактически отказались оказать реальную помощь странам Азии и даже воспользовались сложившейся ситуацией в своих интересах. Резко ухудшившиеся экономические условия в странах региона привели к падению уровня жизни и росту экстремистских настроений. Правящие элиты были вынуждены прибегать к силовому решению возникающих проблем. А это по спирали вело к дальнейшему росту экстремизма и сопутствующих явлений: терроризма и традиционного для стран региона сепаратизма.

Китай, испытывавший экономический подъем в то время, оказал реальную помощь, отказавшись от девальвации юаня и предоставив кредиты. На данном историческом этапе Китай уже начал постепенное применение политики «мирного восхождения», в соответствии с которой он считал необходимым заботиться о мирном международном окружении для обеспечения поступательного роста китайской экономики и аккумуляции китайской совокупной национальной мощи. КНР предложила создать региональные зоны свободной торговли в качестве одного из эффективных средств улучшения экономической ситуации в регионе и налаживания отношений между партнерами.

Китай, показав себя ответственным участником региональных процессов, оказал определяющее влияние на окончательное оформление схемы сотрудничества «АСЕАН+3» (АСЕАН + Китай, Япония, Южная Корея). При этом КНР завоевала в этой схеме ключевую позицию — не «вовлекаемого», а «вовлекающего» актора [Канав, 2005, с. 118]. Фактически Китай воспользовался азиатским кризисом для демонстрации «обновленного лица» своей внешней политики [Thayer, 2010, p. 19]. Региональные процессы развивались на фоне распространения среди истеблишмента стран Азии точки зрения, согласно которой Запад если не спровоцировал кризис, то оставил страны региона без какой-либо поддержки в устранении его последствий [Тимофеев, 2009]. С тех пор Китай в отношениях со странами АТР все большее внимание уделяет нетрадиционной невооруженной безопасности, в особенности ее экономическим аспектам²³, поскольку именно данная сфера является наиболее плодотворным полем для взаимовыгодного сотрудничества. Противоречащие интересы в данной сфере у КНР со странами региона практически отсутствуют. Зато наращивание сотрудничества в чрезвычайно важной для стран региона сфере способствовало формированию эффективных рычагов для реализации политики «умной силы» КНР.

Наряду с экономическим кризисом 1997–1998 гг. серьезное влияние на развитие макрорегионального диалога по проблемам безопасности оказали теракты 11 сентября 2001 г. в США. В региональном дискурсе на первый план начали выходить проблемы нетрадиционной безопасности с вооруженной компонентой. 5 ноября 2001 г. была опубликована «Декларация АСЕАН о совместных действиях по противостоянию терроризму»²⁴. В 2002 г. были подписаны документы о сотрудничестве в сфере противо-

²³ Например, проявившимся в формировании ЗСТ Китай – АСЕАН, нацеленной на диверсификацию рынков сбыта для стран региона.

²⁴ ASEAN Declaration on Joint Actions to Counter Terrorism. 2001. 5 November. Режим доступа: <http://2001-2009.state.gov/s/ct/rls/other/65902.htm> (дата обращения: 30.11.2015).

действия терроризму с США²⁵ и КНР²⁶. Данная тема стала одной из основных на состоявшемся в том же году заседании АРФ²⁷.

4 ноября 2002 г. между АСЕАН и Китаем была подписана «Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море»²⁸, ставшая краеугольным камнем в отношениях между КНР и странами ЮВА по проблеме ЮКМ, а в следующем году Китай стал первым внерегиональным государством, присоединившимся к «Договору о дружбе и сотрудничестве», что продемонстрировало стремление КНР укрепить свое комплексное влияние в регионе. Одновременно подписанная Декларация в значительно большей степени отвечала интересам Китая, так как, по сути, зафиксировала статус-кво в отношении спорных территорий в ЮКМ. 8 октября 2003 г. на очередном саммите АСЕАН – Китай (АСЕАН+1) на о. Бали была подписана «Декларация о стратегическом партнерстве ради мира и процветания». Стратегическое партнерство определялось как «не присоединившееся, невоенное и открытое, которое не лишает участников права развивать всесторонние отношения дружбы и сотрудничества с другими странами» [Локшин, 2013, с. 168]. Возможности стратегического партнерства проявились в том же году в ходе совместных ликвидаций последствий стихийных бедствий. В ходе того же саммита был подписан протокол о создании ЗСТ Китай – АСЕАН, ставший результатом формализации соответствующего предложения Китая, сделанного в 2000 г. В протоколе были установлены меры по налаживанию экономического сотрудничества, которые было необходимо осуществить перед началом действия зоны свободной торговли.

В 2004 г. на Вьентьянском саммите АСЕАН – Китай была утверждена «дорожная карта», устанавливавшая регулярные контакты на всех уровнях, поставки оружия и техники для борьбы с пиратством и терроризмом, визиты военного руководства, подготовку офицеров в учебных центрах НОАК, совместные учения и взаимодействие разведки и т.д. [Там же, с. 168–169]. К концу 2006 г. Китай и АСЕАН создали в общей сложности 28 «механизмов рамочного сотрудничества», включающих регулярные консультации высших должностных лиц по вопросам стратегического и политического сотрудничества в сферах безопасности, ежегодные конференции глав МИД и ежегодные саммиты. На данный этап развития регионального взаимодействия по проблемам безопасности пришлось наибольшие положительные сдвиги в отношениях между КНР и АСЕАН, ставшие результатом «дипломатии улыбок». Институциональные изменения, реализованные на данном этапе, фактически определяют всю институциональную структуру взаимодействия по проблемам безопасности в макрорегионе сегодня.

В 2005 г. по инициативе АСЕАН был создан Восточноазиатский саммит (ВАС), ставший дальнейшим развитием механизмов АСЕАН+3. ВАС не имеет собственно-

²⁵ ASEAN-United States of America Joint Declaration for Cooperation to Combat International Terrorism. Bandar Seri Begawan. 2002. 1 August. Режим доступа: <http://www.asean.org/resources/item/asean-united-states-of-america-joint-declaration-for-cooperation-to-combat-international-terrorism-bandar-seri-begawan-1-august-2002-5> (дата обращения: 30.11.2015).

²⁶ Joint Declaration of ASEAN and China on Cooperation in the Field of Non-Traditional Security Issues 6th ASEAN-China Summit Phnom Penh. 2002. 4 November. Режим доступа: <http://www.asean.org/news/item/joint-declaration-of-asean-and-china-on-cooperation-in-the-field-of-non-traditional-security-issues-6th-asean-china-summit-phnom-penh-4-november-2002-2> (дата обращения: 30.11.2015).

²⁷ ARF Statement on Measures Against Terrorist Financing Bandar Seri Begawan. 2002. 30 July. Режим доступа: <http://www.asean.org/communities/asean-political-security-community/item/arf-statement-on-measures-against-terrorist-financing-bandar-seri-begawan-30-july-2002> (дата обращения: 30.11.2015).

²⁸ ASEAN Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. 2002. 4 November. Режим доступа: <http://www.asean.org/news/item/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea> (дата обращения: 30.11.2015).

го секретариата, функции которого сегодня выполняет секретариат АСЕАН. Саммит является диалоговым механизмом для решения стратегических вопросов, главный из которых – формирование Восточноазиатского экономического сообщества (ВАЭС) к 2020 г., а также стимулирование взаимодействия по вопросам традиционной и нетрадиционной безопасности. Критериями членства в ВАС определено наличие статуса партнера по диалогу с АСЕАН, подписание «Договора о дружбе и сотрудничестве», тесные отношения сотрудничества со странами АСЕАН. На сегодняшний день в ВАС принимают участие 18 членов.

Но, несмотря на успехи «дипломатии лидеров», отражением которой стал новый уровень в институционализации отношений между АСЕАН и КНР, на уровне обществ соответствующих государств по-прежнему сохранялось серьезнейшее влияние «эффекта колеи» в восприятии политики КНР, что в том числе было связано с недостаточной активностью Китая в распространении своей «мягкой силы» в регионе.

Третий этап регионального взаимодействия по проблемам безопасности

Третий этап развития взаимодействия по проблемам безопасности начался в 2008 г. с началом нового глобального экономического кризиса. Наряду с проблемами нетрадиционной безопасности, по-прежнему остававшимися в фокусе дефинизации в АТР, вновь возросла актуальность традиционных проблем региональной безопасности – спорных территорий в ЮКМ и ВКМ и модернизации НОАК.

Большая часть напряженностей в отношениях между Китаем и странами региона была связана с повышенной активностью китайских рыболовецких судов, осуществлявших промысел на спорных территориях. Отличительной особенностью китайской политики в отношении спорных территорий является стремление решать все проблемы на двустороннем уровне, в то время как США, стремящиеся использовать территориальные споры между КНР и странами ЮВА²⁹ в свою пользу, настаивают на интернационализации проблемы, что, к примеру, нашло отражение в выступлении госсекретаря США Х. Клинтон на Ханойском заседании АРФ в 2010 г. [Канаев, 2011]. В нем она заострила внимание на следующих моментах:

1. Подняла вопрос о выработке Кодекса поведения сторон в ЮКМ. Суть проблемы заключается в том, что ряд положений Декларации о поведении сторон отвечает интересам КНР в гораздо большей степени, чем интересам стран ЮВА.

2. Заявила о готовности США быть посредником между заинтересованными сторонами при внедрении в практику положений Декларации о поведении сторон, а также подняла вопрос о подключении «мирового сообщества» к влиянию на обстановку в ЮКМ.

3. Подчеркнула необходимость разграничить «допустимость (legitimacy) притязаний на участки суши ЮКМ и его акваторию», направив Китаю вполне отчетливый сигнал о непризнании его притязаний на 80% ЮКМ.

Подобное отношение США к ключевому вопросу для стран региона показательно. Не желая уступать Китаю лидерство в стратегически важном регионе, США с самого начала первого президентского срока Барака Обамы приняли решение пересмотреть собственную политику в ЮВА в пользу расширения американского при-

²⁹ Проблема спорных территорий в ЮКМ осложняется наличием территориальных претензий сразу у нескольких государств: КНР и Тайваня (поддерживающего китайскую точку зрения).

сутствия в регионе. Имплементация данного решения подразумевала более широкое представительство США на региональных диалоговых площадках, а также укрепление партнерских отношений с ведущими региональными акторами. Это привело к подписанию Соединенными Штатами «Договора о дружбе и сотрудничестве» в июле 2009 г. [Чуфрин, 2007, с. 51].

Новый шаг США сделали на саммите АТЭС 2011 г. в Гонолулу, когда в выступлении, предварявшем саммит, Хиллари Клинтон заявила, что «XXI век станет Тихоокеанским веком Америки»³⁰. Данное заявление дало четкий сигнал руководству КНР и АСЕАН относительно желаний США принимать активное участие в региональной политике. Это выразилось в присоединении США в 2011 г. к ВАС. Тогда же к ВАС присоединилась Россия.

Присоединение США к ВАС также связано с изменением восприятия ими военно-политических возможностей КНР и перспектив их использования. США оправдывают увеличение своего присутствия в регионе необходимостью повышения безопасности путей транспортировки энергоресурсов, а также обеспечения региональной безопасности³¹. В целом же в 2010–2011 гг. Соединенным Штатам удалось существенно укрепить свое военно-политическое присутствие в регионе, в частности во Вьетнаме, Сингапуре и Северной Австралии [Локшин, 2013, с. 88]. При этом США не стараются строить новые базы, а выбирают многостороннее сотрудничество со странами АСЕАН с прицелом на использование их баз ВМС и ВВС в случае необходимости. Одновременно произошло дальнейшее усиление участия США в региональных мероприятиях по повышению безопасности. В частности, было ревитализировано военно-политическое сотрудничество с Малайзией, Индонезией, Сингапуром, Филиппинами и Таиландом. Его основными проявлениями стало регулярное проведение совместных боевых и небоевых (штабных) учений, в том числе в спорных морских районах, а также реализация тренинговых программ.

Активное участие в реформировании позиции США в АТР приняли и американские мозговые центры, такие как Центр новой американской безопасности, опубликовавший в 2012 г. доклад, посвященный соперничеству США и КНР в регионе [CNAS, 2012]. В докладе обращалось особое внимание на исключительную значимость свободы судоходства в ЮКМ и АТР в целом для реализации национальных интересов США. Авторы доклада отметили, что важнейшей целью политики США должно стать предотвращение возникновения условий для эскалации напряженности и сохранение взаимовыгодного сотрудничества в качестве основы региональных отношений. Основным средством для сохранения статус-кво и достижения указанной цели должна была стать политика в духе *si vis pacem, para bellum* (хочешь мира – готовься к войне), т.е. «политика сотрудничества с позиции силы», которая включала бы пять шагов [Ibid.]:

- 1) увеличение численности ВМФ США в регионе до 346 единиц;
- 2) создание новой сети партнерств в сфере безопасности;

³⁰ Clinton H.R. America's Pacific Century. Remarks. U.S. Department of State. 2011. 10 November. Режим доступа: <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/11/176999.htm> (дата обращения: 19.11.2015).

³¹ Они не могут допустить дальнейшего усиления влияния КНР и вынуждены изыскивать новые способы сдерживания Китая. Кроме того, нейтрально-позитивное отношение стран региона к возвращению широкомасштабного, в том числе силового присутствия США в региональных отношениях может свидетельствовать о том, что они также заинтересованы в поиске полноценного балансира для чрезмерно усиливающегося влияния Китая в ЮВА. Это может быть расценено как определенный возврат в прошлое в секьюритизации стран региона, опасения которых в отношении Китая вновь стали расти.

- 3) включение в число ключевых вопросов американской повестки дня вопросов мира и безопасности в ЮКМ и развитие взаимодействия по проблемам спорных территорий через многосторонние площадки;
- 4) дальнейшее стимулирование региональной экономической интеграции и развитие торгово-экономических отношений между регионом и США;
- 5) корректировка американской политики по отношению к Китаю, которая должна сочетать дипломатическое и экономическое вовлечение, поддерживаемое американскими военными и экономическими возможностями.

Нежелание терять наработанные позиции в регионе под растущим давлением США привело к активизации диалогового процесса между КНР и АСЕАН по проблемам ЮКМ. В 2011 г. были подписаны «Руководящие принципы по внедрению в практику положений Декларации 2002 г.», в которых была оговорена возможность движения к Кодексу поведения сторон в ЮКМ, носящему не декларативный, а обязательный характер для всех участников [Канаев, 2013b].

Однако подобные уступки привели к тому, что КНР посчитала необходимым предпринять действия, направленные на ослабление АСЕАН. Данный подход стал претворяться в жизнь за счет использования «особых отношений» с отдельными членами АСЕАН для предотвращения принятия Ассоциацией решений, противоречащих интересам КНР. Так, по результатам 45-й встречи министров иностранных дел стран АСЕАН, состоявшейся 9 июля 2012 г. в Пномпене, впервые за всю историю Ассоциации не была принята совместная декларация из-за отказа Камбоджи, председательствовавшей на встрече, включить в текст декларации параграфы, касающиеся совместной позиции стран АСЕАН по проблеме ЮКМ. Развернувшаяся затем полемика в СМИ приписывала данную неудачу на счет Китая, возможно, повлиявшего на позицию Камбоджи [Thayer, 2012]. Подобные события серьезно подрывают единство АСЕАН, легитимность в глазах ее же членов, что препятствует нахождению адекватных решений на существующие проблемы безопасности, в первую очередь традиционного ряда.

Однако АСЕАН продолжает разработку перспективных диалоговых форматов в своем стремлении не утратить макрорегиональное значение. В 2010 г. появился перспективный механизм взаимодействия по вопросам безопасности, объединяющий руководителей военных ведомств Ассоциации и ее партнеров по диалогу, ADMM+, созданный в рамках ВАС на основе ежегодных встреч министров обороны стран АСЕАН³². На данной площадке министры обороны стран АСЕАН и ее партнеров по диалогу имеют возможность обсудить ключевые проблемы региональной безопасности в следующих пяти сферах: безопасность морских коммуникаций, борьба с терроризмом, противодействие проблемам массовых заболеваний, миротворческие операции и военная медицина [Ibid.]. Для продвижения сотрудничества по данным направлениям в 2011 г. были созданы пять соответствующих Рабочих групп экспертов (ЭРГ). Практическим измерением сотрудничества с участием ЭРГ стало проведение в 2013 г. трех многосторонних учений: в области военной медицины (Бруней, июнь 2013 г.), по противодействию терроризму (Индонезия, сентябрь 2013 г.) и борьбе с пиратством (Австралия, октябрь 2013 г.). В указанных учениях приняли участие более 3200 людей, 6 кораблей и 15 вертолетов³³. В будущем сотрудничество в ADMM+ должно распространиться на обезвреживание мин в регионе. Изначально планировалось, что встречи ADMM+ бу-

³² ADMM-Plus, 2010. Режим доступа: <https://admm.asean.org/> (дата обращения: 16.02.2015).

³³ ASEAN Security Outlook 2013. Режим доступа: http://www.asean.org/?static_post=asean-security-outlook-2013 (дата обращения: 16.02.2016).

дут проходить один раз в три года, но в 2012 г. было принято решение о двухлетнем цикле встреч.

Однако ADMM+ еще предстоит доказать свою эффективность. Дело в том, что следование «Духу и пути АСЕАН», а также необходимость достижения консенсуса для формулирования итоговых решений, так же как и на других площадках АСЕАН, ограничивает возможности для сотрудничества. В случае если одна из сторон возражает против включения в дискурс и формализации какой-то проблемы, это может выразиться в подрыве сотрудничества. Так произошло в 2015 г., когда нежелание КНР включать проблему спорных территорий в ЮКМ в итоговый документ встречи привело к срыву его подписания³⁴.

Постоянно растущая взаимозависимость экономик стран макрорегиона привела к тому, что их интересы в данной сфере стали иметь определяющее значение при реализации политики безопасности в иных измерениях. В итоге повысилась склонность к поиску компромиссных решений по наиболее сложным вопросам. Растущая взаимозависимость и понимание важности «безопасности и благосостояния соседей» [Сао Yunhua, 2006, р. 124] привели к созданию в рамках АСЕАН+3 мощного инструмента поддержания региональной стабильности посредством реализации многосторонней Чиангмайской инициативы. Данная инициатива нацелена на повышение финансово-экономической стабильности региона посредством заключения валютных своп-соглашений [Lin' Huashjen, 2011, р. 56].

Чиангмайская инициатива символизирует возвращение в региональной политике к идеям бывшего премьер-министра Малайзии Мохатхира Мохаммада, популярным в начале 1990-х годов. Он считал, что страны Восточной Азии смогут определять свое будущее, только объединившись в восточноазиатское сообщество [Кобелев, 2010, с. 268]. Эти идеи страны АСЕАН активно развивают и в XXI в., считая своей стратегической задачей формирование общей идентичности, которое позволит вывести региональное сотрудничество на новый уровень. Возможно, имплементация Чиангмайской инициативы действительно станет новым этапом в обеспечении безопасности в регионе, а также полем деятельности для отработки способов и механизмов взаимодействия в сфере безопасности между региональными и внерегиональными акторами.

Несмотря на межрегиональный характер данного механизма, он вполне может считаться направленным на обеспечение нетрадиционной безопасности в ЮВА. Об этом свидетельствует базовый принцип внесения и расходования средств финансового пула, в соответствии с которым страны ЮВА имеют возможность получить значительно больше средств, нежели они вносят в него. Практически вся деятельность в рамках структуры АСЕАН+3 демонстрирует растущую зависимость внутрирегиональной безопасности от деятельности внешних акторов. АСЕАН является «удобным» центром притяжения — заинтересованные акторы, пользуясь предоставляемыми возможностями, могут заниматься разрешением тех проблем, которые не могут быть решены в рамках двусторонних отношений.

Однако, несмотря на достигнутые успехи в сфере нетрадиционной безопасности, Китай продолжает выступать в роли основного потенциального источника военно-политической дестабилизации в ЮВА. Об этом свидетельствует и достаточно невысокая эффективность последних договоренностей по проблемам ЮКМ: китайские корабли военного и рыболовного флота продолжают регулярно появляться у берегов

³⁴ Саммит министров обороны АСЕАН из-за спора об островах остался без итоговой декларации // Коммерсантъ. 2015. 4 ноября. Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2846685> (дата обращения: 29.11.2015).

спорных островов, провоцируя ответную реакцию стран ЮВА. Вдобавок ко всему Китай быстрыми темпами модернизирует свой ВМФ, занимая жесткую позицию по вопросу нарушения государственного суверенитета, что в перспективе также может способствовать нагнетанию напряженности в Тайваньском проливе. Ярким примером нестабильности ситуации в регионе и относительности эффективности многосторонних институтов по вопросам безопасности предстает взаимодействие по проблеме спорных территорий между КНР и государствами АСЕАН.

Роль спорных территорий Южно-Китайского моря в региональной политике КНР в 2009–2015 гг.

Конец «дипломатии улыбок» положил мировой экономический кризис 2008–2009 гг., в ходе которого существенно усилились опасения ряда стран АТР попасть в слишком серьезную зависимость от Китая. Не были довольны складывающейся ситуацией и в США. К тому же у китайского руководства, в котором «ястребы» стали играть заметную роль, также постепенно крепло желание «поиграть мускулами», продемонстрировать свои претензии на региональное лидерство и устроить своеобразный стресс-тест американской политике в регионе. Все это наложило на демонстративную декларацию намерения США относительно «возвращения в Азию», что в целом и стало триггером для очередного раунда нарастания региональной напряженности, в особенности в отношении спорных территорий в ЮКМ и ВКМ.

В 2009–2010 гг. Китай предпринял шаги по существенному расширению своего присутствия на спорных островах и рифах [Локшин, 2013]. Так, в этот период руководство КНР приняло решение о создании на территории спорных островов в ЮКМ муниципалитета, подчиненного провинции Хайнань. Этот демонстративный жест, разумеется, вызвал бурю негодования в странах региона, участвующих в споре с КНР. Наблюдались неоднократные инциденты и с деятельностью геологоразведочных судов в спорных районах. В конечном счете это нашло отражение в маргинализации позиции КНР на международных площадках, модерлируемых АСЕАН. Во второй половине 2010–2011 гг. наблюдался определенный спад напряженности в отношениях между КНР и странами региона. Так, был подписан упоминавшийся документ «Руководящие принципы по внедрению в практику положений Декларации 2002 г.», реализация которого, тем не менее, застопорилась.

Следующий виток спирали напряженности в регионе начался в 2012 г. Формальным поводом для него стал инцидент с задержанием филиппинскими службами китайских рыбаков, промышлявших в исключительной экономической зоне Филиппин. В целях противодействия Китай прибег к тактике «ответного ужесточения», применив возможности своего ВМФ и освободив рыбаков. В результате разразился серьезный дипломатический скандал, сопровождавшийся введением ограничений КНР на экспорт фруктов из Филиппин и выпуском рекомендаций китайским туристам воздержаться от поездок на Филиппины. США при этом не высказали явной поддержки Филиппинам, ограничившись общими словами про необходимость мирного решения существующих споров. Попытка Филиппин зафиксировать свою позицию на региональном уровне привела к вышеупомянутому провалу с принятием совместной декларации по результатам 45-й министерской встречи глав МИД АСЕАН в июле 2012 г. КНР, незримо присутствовавшая на этом форуме, четко продемонстрировала, что будет использовать все возможности для противодействия политике, не соответствующей ее интересам. Эта линия Китая была продолжена и в следующем году. 2 августа 2013 г. в Таиланде состоялся

«Форум высокого уровня», посвященный десятилетней годовщине установления отношений стратегического партнерства между Китаем и АСЕАН. На повестке дня в том числе стоял вопрос об определении подходов АСЕАН и Китая к имплементации «Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море 2002 г.». Важной деталью при обсуждении этого вопроса стала чрезвычайно осторожная позиция Таиланда, председателя встречи, по вопросу выработки «Кодекса поведения сторон», в соответствии с которой проблема ЮКМ не должна служить барометром отношений между Китаем и АСЕАН [Канаев, 2013а]. Фактически Таиланд поддержал позицию Китая, продемонстрировав, что в АСЕАН отсутствует единая позиция по данному вопросу, и многие страны не готовы жертвовать своими отношениями с Китаем в пользу единства Ассоциации.

В 2014 г. к серьезному кризису в отношениях между КНР и Вьетнамом привела деятельность китайской глубоководной буровой платформы HYSY 981 [Михневич, 2015а]. С мая и до середины июля она осуществляла пробное бурение и добычу нефти в спорных территориях ЮКМ недалеко от побережья Вьетнама³⁵, что было воспринято во Вьетнаме как акт грубого нарушения суверенитета и привело к масштабным антикитайским погромам [Там же]. Охрану работающей платформы от агрессивных действий вьетнамской стороны осуществляло значительное число китайских военных кораблей. Только после отвода платформы со спорных территорий 16 июля 2014 г. ситуация смягчилась³⁶.

Немаловажно, что события вокруг ситуации со спорными территориями в ЮКМ в 2012–2014 гг. продемонстрировали нежелание США принимать активное участие в разрешении проблемы на стороне своих союзников. Несмотря на бедственное положение Филиппин в противостоянии с Китаем в отношении спорных островов и акватории ЮКМ, Соединенные Штаты воздержались даже от прямого осуждения действий Китая, сконцентрировав внимание на предоставлении помощи для перевооружения вооруженных сил Филиппин. Подобная пассивная позиция Вашингтона расценивается в Пекине как проявление слабости. Нынешнему руководству КНР, пришедшему к власти осенью 2012 г.³⁷, необходимо укрепить собственное влияние и авторитет внутри страны и на международной арене. И демонстрация силы для защиты национальных интересов по утверждению суверенитета над спорными территориями подходит для этого как нельзя кстати.

Если Китай сможет добиться от соседних стран признания своего суверенитета над спорными территориями в ЮКМ, например, отдельными островами Спратли, то он будет вправе поставить вопрос о недопустимости проведения военно-морских маневров других государств в территориальных водах и прилежащих зонах «своих островов», а также правомерности осуществлять контроль над проходами иностранных боевых кораблей и подводных лодок, воздушных коридоров этой зоны и т.д. Учитывая, что острова Спратли расположены близко друг от друга, признание китайского суверенитета над большинством из них может со временем привести к превращению огромной акватории, т.е. практически всего ЮКМ, в зону исключительной юрисдикции КНР [Канаев, 2007, с. 30].

³⁵ Abuza Z. Vietnam Buckles under Chinese Pressure. 2014. 29 July. Режим доступа: www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/SEA-01-290714.html (дата обращения: 25.11.2015).

³⁶ Tea B. China's Grand Plan for the South China Sea. 2014. 8 August. Режим доступа: www.atimes.com/atimes/China/CHIN-02-080814.html (дата обращения: 07.05.2015).

³⁷ Официальное утверждение новых руководителей страны состоялось на сессии китайского парламента Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) уже в 2013 г.

Неурегулированность спорных вопросов приводит к серьезным проблемам в смежных сферах, например, с проблематикой нетрадиционной безопасности. Из нетрадиционных вооруженных проблем безопасности можно особо отметить пиратство, а из нетрадиционных невооруженных – формирование вызовов и рисков продовольственной безопасности стран ЮВА. Так, проблема с противодействием пиратству связана, например, с нормой, что при заходе пиратов в территориальные воды других государств военные суда не имеют права продолжать их преследование³⁸, чем пираты с успехом пользуются. Активность пиратов препятствует безопасному судоходству по маршрутам, пролегающим в чрезвычайно оживленном и загруженном районе ЮКМ, что не соответствует интересам ни одного из государств – участников спора, а также иных стран, терпящих косвенный ущерб из-за пиратов.

К определенным результатам привели совместные меры по противодействию пиратству в Малаккском проливе. Однако до окончательного разрешения проблемы еще очень далеко, поскольку достичь его не представляется возможным без комплекса мер, направленных на искоренение первопричин пиратства. А эти причины коренятся в низком и зачастую снижающемся уровне жизни населения стран прилегающих районов, в том числе из-за невозможности заниматься традиционными промыслами, к примеру, рыболовством в спорных районах. Поэтому для того, чтобы добыть пропитание, отчаявшиеся люди обращаются к противоправным действиям, одновременно становясь легкой мишенью для многочисленных радикальных идейных течений. Усугубляет положение и сложная ситуация с экологическим состоянием региона, что также сказывается на его возобновляемых ресурсах, поскольку ни одно государство в одиночку не способно принять весь комплекс необходимых мер. Таким образом, очевидно, что проблема спорных территорий в ЮКМ оказывает серьезное косвенное воздействие на ухудшение ситуации в смежных сферах безопасности, увеличивая разрыв между компетентностью заинтересованных акторов и сложностью решаемой проблемы.

В последние недели весны 2015 г. социально-политическая обстановка в регионе дополнительно ухудшилась из-за колоссального наплыва в регион сотен тысяч беженцев из Мьянмы и Бангладеш – мусульман-рохинья, которые спасаются от притеснений на родине³⁹. Страны региона, в частности Таиланд, Малайзия и Индонезия, предпринимают усилия, чтобы не принимать к себе этих беженцев, опасаясь серьезного ухудшения ситуации с преступностью и экономической обстановки. При этом найти приемлемое решение проблемы на уровне АСЕАН к лету 2015 г. не удалось – экстренная встреча представителей АСЕАН, США и международных организаций, состоявшаяся 29 мая 2015 г., ни к чему не привела. В перспективе тысячи беженцев, которым не удалось найти пристанища, могут пополнить ряды пиратов или организованных преступных группировок.

Эволюция противостояния КНР и стран региона в споре за ЮКМ говорит о том, что Китаю за счет грамотного применения «умной силы» удалось существенно затруднить выработку единой позиции стран региона по данному вопросу, усугубив эрозию АСЕАН. Это нашло отражение в повышении накала дискуссий при обсуждении многих ключевых проблем на площадках АСЕАН. Возможно, новая перспектива интернационализации проблемы и более активное участие США в будущем заставят КНР изменить свою позицию или же спровоцируют очередной виток спирали напряжен-

³⁸ Пункт 3 ст. 111 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

³⁹ Строкань С. Азиатские беженцы идут ко дну // Коммерсантъ. 2015. 29 мая. Режим доступа: www.kommersant.ru/doc/2736172 (дата обращения: 31.05.2015).

ности. К сожалению, развитие событий в регионе говорит, скорее, о большей вероятности второго сценария.

В первой половине 2015 г. в ответ на действия КНР по восстановлению земель около пяти своих укреплений в районе островов Спратли в американских СМИ была развернута кампания, осуждающая строительство «великой песчаной стены» и демонстрирующая обеспокоенность США относительно укрепления Китаем своих позиций в районе⁴⁰. Активизация Китаем строительных работ⁴¹ вызвала острую критику Филиппин, обратившихся за помощью к США, которые, в свою очередь, продемонстрировали поддержку. О необходимости поддержания мира и свободы судоходства в ЮКМ в ходе своего визита в Пекин 16 мая 2015 г. высказался госсекретарь США Д. Керри. Также он выразил обеспокоенность развитием ситуации в регионе. В ответ на заявления Д. Керри глава МИД КНР Ван И ответил, что строительство сооружений на спорных территориях осуществляется в соответствии с суверенными правами Китая, который, тем не менее, готов активно работать над устранением опасений. Указанный визит Л. Керри прошел вскоре после окончания десятидневных американо-филиппинских учений «Баликатан», состоявшихся в последней декаде апреля и ставших самыми масштабными за всю историю совместных маневров – в них было задействовано 11,5 тыс. солдат (при 5,5 тыс. в 2014 г.)⁴². Причем часть учения прошла всего в 220 км от оспариваемого рифа Скарборо, контролируемого КНР с середины 1990-х годов. Разумеется, подобное наращивание активности вызвало негативную реакцию в Пекине, который, впрочем, не стал слишком сильно демонстрировать свое недовольство, но и не прекратил свою деятельность по восстановлению земель в спорных районах. Дополнительным подкреплением притязаний и серьезности политики КНР в отношении спорных территорий стала публикация уже упоминавшейся ранее очередной «Белой книги» обороны. Этим Китай демонстрирует существенное повышение значимости данной проблемы в своей дефинизации и задает новое условие своего участие в динамике региональных процессов безопасности.

Проблема ЮКМ надолго останется краеугольным камнем всех региональных многосторонних взаимодействий по проблемам безопасности, в первую очередь в качестве камня преткновения перед выводом сотрудничества на новый уровень. Кроме того, нежелание смягчать позицию по спорным территориям приводит и будет приводить и впредь к существенному ослаблению «мягкой силы» КНР в регионе. Результатом может стать стремление руководства страны компенсировать ослабление за счет «традиционных» средств, таких как наращивание военного присутствия, что усилит напряженность в регионе.

Заключение

Динамика процессов безопасности в АТР такова, что одним из ее главных элементов является политика КНР. Многосторонний диалоговый процесс, формализующийся в деятельности соответствующих диалоговых площадок, в той или иной степени связан

⁴⁰ Sanger D. Gladstone R. Piling Sand in a Disputed Sea, China Literally Gains Ground // NY Times. 2015. 8 April. Режим доступа: <http://mobile.nytimes.com/2015/04/09/world/asia/new-images-show-china-literally-gaining-ground-in-south-china-sea.html?referrer=> (дата обращения: 07.05.2015).

⁴¹ Пентагон: Китай ускорил восстановление земель в Южно-Китайском море // Коммерсантъ. 2015. 9 мая. Режим доступа: www.kommersant.ru/doc/2724107 (дата обращения: 07.05.2015).

⁴² Тарасенко П. Филиппины ищут американской поддержки // Коммерсантъ. 2015. 16 апреля. Режим доступа: www.kommersant.ru/doc/2709885 (дата обращения: 31.05.2015).

с Китаем, который принимает участие в ключевых элементах региональной архитектуры безопасности.

Несмотря на то, что в основе политики КНР лежат принципы, разделяемые многими соседями Китая по АТР, ее практическая имплементация по-прежнему достаточно часто расходится с провозглашаемыми идеями. Это хорошо видно при рассмотрении политики КНР в ЮВА после окончания «холодной войны», в частности в отношении проблемы спорных территорий в ЮКМ. Именно Китай являлся основной причиной институционального строительства в сфере безопасности в АТР. Механизмы и площадки, созданные АСЕАН, ключевым межгосударственным актором в ЮВА, имели своей целью вовлечение Китая в конструктивное политическое взаимодействие и снижение уровня неопределенности в отношении проблем региональной безопасности. Одновременно моделирующее воздействие на динамику сотрудничества Китая и АСЕАН, наряду с собственной коллективной дефинизацией, оказывала и продолжает оказывать политика США. В ряде случаев она приводила к повышению региональной безопасности и достижению соглашений, соответствующих интересам как АСЕАН, так и КНР. Но достаточно часто активность США становилась триггером в эскалации напряженности в регионе.

Китай научился эффективно использовать возможности, предоставляемые площадками под эгидой АСЕАН, для реализации собственной внешней политики. Можно говорить о том, что именно институционализация, проводимая АСЕАН, способствовала созданию условий для эффективной реализации «умной силы» КНР во всем АТР. При этом КНР наряду с конструктивной деятельностью, направленной на экономическое развитие стран региона, часто обращается к деструктивным способам воздействия на Ассоциацию. Фактически Китай продолжает оставаться ключевым источником проблем традиционной безопасности в регионе, несмотря на то, что в сфере сотрудничества по различным проблемам нетрадиционной безопасности между КНР и АСЕАН достигнуты значительные успехи. Националистический азимут во внешнеполитическом курсе КНР в рамках реализации на международной арене политики «китайской мечты» и включающий более активное использование собственных возможностей для утверждения в регионе будет способствовать сохранению существующих напряженностей в отношениях между КНР и странами АТР по проблемам традиционной безопасности. А в ряду проблем традиционной безопасности территориальные споры в ЮКМ и ВКМ и в дальнейшем будут оставаться ключевым проблемным полем с неясной перспективой разрешения, что непременно негативно скажется на обеспечении безопасности в регионе в целом.

Более того, проблема спорных территорий ЮКМ служит лакмусовой бумажкой всего многостороннего сотрудничества по проблемам безопасности в регионе. Созданные институты позволяют дистанцироваться от разрешения указанной проблемы безопасности и наращивать сотрудничество в нетрадиционных сферах. Но постепенно нерешенные проблемы традиционной безопасности ставят под угрозу все достигнутые успехи в сфере нетрадиционной безопасности и могут привести к существенному ослаблению макрорегиональной безопасности.

Как показывает практика, «удобство пользования» институтами и стремление угодить всем участвующим сторонам существенно ограничивают эффективность комплексного сотрудничества в решении наиболее серьезных проблем. Это происходит с площадками АСЕАН во многом благодаря/из-за использования принципов «Духа АСЕАН» и «Пути АСЕАН». И решить эту проблему «усталостной прочности» институтов неспособна даже реализация политики «умной силы».

Существующие в регионе многосторонние институты взаимодействия по проблемам безопасности действуют недостаточно эффективно. Сотрудничество между странами региона на принципах АСЕАН серьезно исчерпало свой потенциал. Поэтому все более актуальным становится вопрос о стимулировании серьезных институциональных изменений для снижения все более усиливающейся «неизвестной неопределенности». Однако вектор и динамика соответствующих интересов будут всецело зависеть от того, чья политика «умной силы» окажется эффективнее. И Китай не на последнем месте среди претендентов на эту победу. Тем не менее «умная сила» стран АТР имеет один существенный лимит, связанный с дефинизацией в отношении понятия суверенитета. Какие бы положительные идеи ни распространялись с «мягкой силой», какие бы меры доверия и превентивной дипломатии ни внедрялись, в случае, если речь заходит о нарушении или ограничении суверенитета, властные элиты стран региона принимают решения, направленные на его защиту, даже если под угрозой будут поставлены сотрудничество и его развитие. Без коренного изменения ситуации, в первую очередь в дефинизации и секьюритизации макрорегиона в отношении целей и задач взаимодействия, говорить о радикальном повышении безопасности и снижении напряженности не приходится.

Литература

Гун Ли (2004) Идеология политики Дэн Сяопина в отношении США и китайско-американских отношений // Китайские оценки внешнеполитической стратегии Буша и китайско-американских отношений. М.: ИДВ РАН, Экспресс информация, 2004.

Денисов А. (2000) Уроки Руанды: почему провалилась крупномасштабная миротворческая операция ООН // Азия и Африка сегодня. № 8.

Иванов В.В. (2010) Теория государства. М.: НИУ ВШЭ.

История Востока (2008) Восток в новейший период 1945–2000 гг. / под ред. В.Я. Белокреницкого. М.: ИДВ РАН. Т. 6.

Канаев Е.А. (2005) АСЕАН – КНР: новая парадигма отношений в сфере безопасности // Проблемы безопасности во внешней политике КНР. М.: ИМЭМО РАН.

Канаев Е.А. (2007) Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: Готика.

Канаев Е.А. (2011) Проблема Южно-Китайского моря: новый виток обострения // Север – Юг – Россия 2010 / под ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН.

Канаев Е.А. (2013а) Десятилетие стратегического партнерства АСЕАН – Китай и проблема Южно-Китайского моря: к итогам Форума высокого уровня. Режим доступа: www.imemo.ru/ru/publ/comments/2013/comm_2013_028.pdf (дата обращения: 05.05.2015).

Канаев Е.А. (2013б) АСЕАН и кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море // Сайт РСМД. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1240#top (дата обращения: 27.03.2015).

Кобелев Е.В. (ред.) (2010) АСЕАН в начале 21 века: актуальные проблемы и перспективы. М.: ИД Форум. Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/ASEAN211.pdf (дата обращения: 16.02.2016).

Леонард М. (2010) О чем думают в Китае. М.: АСТ Москва.

Локшин Г.М. (2013) Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: ИДВ РАН.

Лузянин С.Г., Мамонов М.В. (2011) Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. М.: ИДВ РАН. Вып. 16.

- Малетин Н.П. (2007) АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО.
- Мамонов М. (2007) Стратегия профилактики опасности во внешней политике КНР // Международные процессы. Вып. 5. № 003.
- Михеев В.В. (ред.) (2005) Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М.: Московский центр Карнеги.
- Михеев В.В., Швыдко В.Г. (ред.) (2014) Дисбалансы транстихоокеанского пространства / авт. кол. ИМЭМО РАН. М.: Магистр.
- Михневич С.В. (2013) Трансформация внешнеполитической идеологии КНР в 1949–2012 гг. и ключевые парадигмы современной китайской внешней политики // Материалы 3-й международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» / отв. ред. Д. Буяров. Благовещенск.
- Михневич С.В. (2014а) Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. № 2. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/2014-9-2/125047954.html> (дата обращения: 18.02.2016).
- Михневич С.В. (2014б) Китайский фактор во внешней политике США в АТР // США и Канада: экономика, политика и культура. № 11.
- Михневич С.В. (2014с) Эволюция архитектуры безопасности в Юго-Восточной Азии: роль КНР и США // Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: ИНИОН РАН.
- Михневич С.В. (2015а) Инновационные аспекты энергетической политики КНР: внутреннее и внешнее измерения // ЭКО. № 2 (488). Режим доступа: <http://ecotrends.ru/component/content/article/757-2015/2124-2014-06-24-07-18-25> (дата обращения: 18.02.2016).
- Михневич С.В. (2015б) Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций. № 1. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/2015-10-1/147908972.html> (дата обращения: 18.02.2016).
- Михневич С.В. (2015с) Фактор «умной силы» в процессах институционализации международных отношений // Вестник международных организаций. № 4. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/2015-10-4/170123865.html> (дата обращения: 18.02.2016).
- Михневич С.В. (2016) «Эффект колеи» и проблема трансформации внешнеполитической ориентации России // Актуальные проблемы Европы. № 1.
- Най Дж. (2013) Будущее власти. М.: АСТ.
- Норт Д. (2010) Понимание процесса экономических изменений. М.: НИУ ВШЭ.
- Остроухов О.Л., Слаицкий А.И. (2001) Внешняя политика КНР: обеспечение суверенитета и целей развития // Китай в Мировой политике / под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН.
- Тимофеев О.А. (2009) Модели интеграции в Восточной Азии Влияние КНР и позиции США // Россия и АТР. № 2.
- Хабермас Ю. (2001) Вовлечение другого. Очерки политической теории. М.: Наука.
- Чуфрин Г.И. (ред.) (2007) Китай в 21 веке: глобализация интересов безопасности. М.: Наука.
- Acharya A. (1998) Collective Identity and Conflict Management in Southeast Asia // Security Communities / E. Adler, M. Harnett (eds). Cambridge: Cambridge University Press.
- Acharya A. (1999) Culture, Security, Multilateralism: The “ASEAN Way” and Regional Order // Culture and Security: Multilateralism, Arms Control, and Security Building / K. Krause (ed.). L.: Frank Cass.
- Annual Report to Congress (2015) Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China 2015. Office of the Secretary of Defense of the USA.
- Arase D. (2015) Explaining China’s 2+7 Initiative Towards ASEAN // ISEAS. Trends in Southeast Asia. No. 4.
- Cao Yunhua (2006) U.S. – ASEAN, Japan-ASEAN Relations and their Impact on China // China and Southeast Asia: Global Changes and Regional Challenges / Ho Khai Leong, C.Y. Ku. Samuel (eds). Singapore.

Chzhjen Biczjan' (2014) *China's New Awakening*. Shanghai: Shanghai Peoples Publishing (in Chinese).

CNAS (2012) *Cooperation from Strength: the United States, China and the South China Sea*. Режим доступа: http://www.cnas.org/files/documents/press/CNAS_CooperationFromStrength_Cronin.pdf (дата обращения: 30.11.2015).

Haacke Jurgen (2005) *Significance of Beijing's Bilateral Reactions // China and SEA Global Changes and Regional Challenges* / Ho Khai Leong, C.Y. Ku Samuel (eds). Singapore.

Jiang Jiemin (2002) *On Socialism with Chinese Characteristics*. Peking (in Chinese).

Krasner S. (1983) *Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Regimes* / S. Krasner (ed.). Ithaca, Cornell University Press.

Lin' Huashjen (2011) *Political Economy in East Asia*. Peking (in Chinese).

Qimao Chen (1993) *New Approaches in China's Foreign Policy: the Post-Cold War Era // Asian Survey*. Vol. 33. No. 3.

Ramo J.C. (2004) *The Beijing Consensus*. L.: The Foreign Policy Center.

Shambaugh D. (2005) *China Engages Asia: Reshaping the Regional Order // International Security*. Vol. 29. No. 3 (Winter 2004/05).

Thayer C. A. (2010) *Southeast Asia: Patterns of Security Cooperation*. Barton.

Thayer C.A. (2012) *ASEAN'S Code of Conduct in the South China Sea: A Litmus Test for Community-Building?* Режим доступа: www.japanfocus.org/-Carlyle_A_-Thayer/3813 (дата обращения: 07.05.2015).

The Glory of Intelligence: China's Smart Power and the Implications for Security in the Asia-Pacific Region

S. Mikhnevich

Sergey Mikhnevich – PhD student, Division of International Relations, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya, 101000 Moscow, Russian Federation; E-mail: sxzex@yandex.ru

Abstract

This article considers the interconnection between the institutional change in the sphere of security and China's smart power in the Asia-Pacific region. It explores the practical dimension of China's smart power in the region after the Cold War, and analyzes the multilateral interaction on security issues in the Association of the Southeast Asia Nations (ASEAN). The appropriate mechanisms in which all the major actors participate are the basis and essence of the macro regional security architecture. This article identifies the links between China's smart power and the macro regional security institutionalization. It begins by describing the ideological dimension of Chinese foreign policy since the establishment of the People's Republic. It considers the main theoretical concept constituting China's international strategy and its economical methods of spreading soft power in the Asia-Pacific region. It goes on to analyze the process of multilateral interaction in macro regional security after the Cold War, recognizing that despite the promotion of cooperation in non-traditional security issues there are still challenges for China, the United States and ASEAN in the realm of traditional security. Moreover, the effective and efficient use of smart power in the ASEAN mechanisms helps China counteract the efforts of other countries in the region to limit its politics. The article concludes that regional multilateral security institutions have reached their limit of effectiveness due to their design and the politics of the main actors. To sustain an acceptable level of security in the region, all participants need to develop new institutions or radically reorganize the existing ones.

Key words: China, ASEAN, United States, South-East Asia, Asia-Pacific, smart power, soft power, hard power, security

References

- Acharya A. (1998) Collective Identity and Conflict Management in Southeast Asia. *Security Communities* (eds. E. Adler, M. Harnett). Cambridge: Cambridge University Press.
- Acharya A. (1999) Culture, Security, Multilateralism: The «ASEAN Way» and Regional Order. *Culture and Security: Multilateralism, Arms Control, and Security Building* (ed. K. Krause). London: Frank Cass.
- Annual Report to Congress (2015) *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015*. Office of the Secretary of Defense of the USA.
- Arase D. (2015) Explaining China's 2+7 Initiative Towards ASEAN. *ISEAS. Trends in Southeast Asia*, no 4.
- Cao Yunhua (2006) U.S. – ASEAN, Japan-ASEAN Relations and their Impact on China. *China and Southeast Asia: Global Changes and Regional Challenges* (eds. Ho Khai Leong and C.Y. Ku. Samuel). Singapore.
- Chufrin G.I. (ed.) (2007) *Kitaj v 21 veke: globalizacija interesov bezopasnosti* [China in the 21st Century: Globalization of the Security Interests]. Moscow: Nauka (in Russian).
- Chzhjen Biczjan' (2014) *China's New Awakening*. Shanghai: Shanghai Peoples Publishing (in Chinese).
- CNAS (2012) *Cooperation from Strength: the United States, China and the South China Sea*. Available at: http://www.cnas.org/files/documents/press/CNAS_CooperationFromStrength_Cronin.pdf (accessed 30 November 2015).
- Czjan' Czjemin (2002) *On Socialism with Chinese Characteristics*. Pekin (in Chinese).

- Denisov A. (2000) Uroki Ruandy: Pochemu provalilas' krupnomasshtabnaja mirotvorcheskaja operacija OON [Rwanda Lessons Learnt: Why Did the Wide-Scale Peacemaking Mission of the UN Fail?]. *Azija i Afrika segodnja*, no 8.
- Grejf A. (2013) *Instituty i put' k sovremennoj jekonomike. Uroki srednevekovoj trgovli* [Institutions and the path to the modern economy. Lessons from Medieval Trade]. M.: Izd. dom Vysšej shkoly jekonomiki.
- Gun Li (2004) Ideologija politiki Djen Sjaopina v otnoshenii SShA i kitajsko-amerikanskih otnoshenij [Ideology of the Den Xiaoping's policy concerning the ISA and US-China relations]. *Kitajskie ocenki vneshnepoliticheskoj strategii Busha i kitajsko-amerikanskih otnoshenij*. M.: IDV RAN, Jekspres informacija.
- Haacke Jurgen (2005) Significance of Beijing's Bilateral Reactions. *China and SEA Global Changes and Regional Challenges* (eds. Ho Khai Leong and C.Y. Ku Samuel). Singapore.
- Habermas Ju. (2001) Vovlechenie drugogo [The engagement of Other]. *Očerki politicheskoj teorii*. M.: Nauka.
- Istorija Vostoka (2008) Tom 6. *Vostok v novejšij period [Orient in modern time] 1945–2000 gg.* (ed. V.J. Belokrenickii). M.: IDV RAN.
- Ivanov V. V. (2010) *Teorija gosudarstva* [Theory of the State]. M.: Izd. dom. Vysšej shkoly jekonomiki.
- Kanaev E.A. (2005) ASEAN-KNR: novaja paradigma otnoshenij v sfere bezopasnosti [ASEAN-the PRC Relationship and New Security Paradigm]. *Problemy bezopasnosti vo vneshnej politike KNR*. M. IMEMO RAN.
- Kanaev E.A. (2007) Konflikt iz-za ostrovov Juzhno-Kitajskogo morja: istorija, harakter uregulirovanija, perspektivy jevoljucii [South-China sea territory disputes: history, settlement and prospects]. Moskva.
- Kanaev E.A. (2011) Problema Juzhno-Kitajskogo morja: novyj vitok obostrenija [South-China Sea Problem New Spiral of Exacerbation]. *Sever-Jug-Rossija* (ed. V.G. Horos). M.: IMJeMO RAN.
- Kanaev E.A. (2013a) *Desjatiletie strategicheskogo partnerstva ASEAN – Kitaj i problema Juzhno-Kitajskogo morja: k itogam Foruma vysokogo urovnja* [Ten Years of ASEAN-China Strategic Partnership: Results of the High Level Forum]. Available at: www.imemo.ru/ru/publ/comments/2013/comm_2013_028.pdf (accessed 05 May 2015).
- Kanaev E.A. (2013b) *ASEAN i kodeks povedenija storon v Juzhno-Kitajskom more* [ASEAN and South-China and Codex of Conduct]. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1240#top (accessed 27 March 2015).
- Kobelev E.V. (ed.) (2010) *ASEAN v nachale 21 veka: aktual'nye problemy i perspektivy* [ASEAN at the Beginning of the 21st Century]. M.: ID Forum.
- Krasner S. (1983) Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. *International Regimes* (ed. S. Krasner). Ithaca, Cornell University Press.
- Leonard M. (2010) *O chem dumajut v Kitae* [What Does China Think]. M.: AST MOSKVA.
- Lin' Huashjen (2011) *Political Economy in East Asia*. Pekin (in Chinese).
- Lokshin G.M. (2013) *Juzhno-Kitajskoe more: trudnyj poisk soglasija* [South-China Sea: Difficult Way of Concord]. M. IDV RAN.
- Luzjanin S.G., Mamonov M.V. (2011) Kitaj v global'nyh i regional'nyh izmerenijah. Resursy i marshruty "vozvysšenija" [China in Global and Regional Dimensions. Resources and Routes of Rise]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike: istorija i sovremennost'*, vol. 16. M.: IDV RAN.
- Maletin N.P. (2007) *ASEAN: chetyre desjatiletija razvitija* [ASEAN – Four Decades of Development]. Mpscow: MGIMO.
- Mamonov M. (2007) Strategija profilaktiki opasnosti vo vneshnej politike KNR [Strategy of Preventive Measures Against Dangers in External Policy of China]. *Mezhdunarodnye process*, vol. 5, no 3.
- Miheev V.V. (red.) (2005) *Kitaj: ugrozy, riski, vyzovy razvitiju* [China: Threats, Risks and Challenges for Development]. M.: Mosk. Centr Karnegi.
- Miheev V.V., Shvydko V.G. (eds.) (2014) *Disbalansy transtihookeanskogo prostranstva* [Disbalances of Transpacific Area]. IMJeMO RAN. Moscow: Magistr.

- Mihnevich S.V. (2013) Transformacija vneshnepoliticheskoj ideologii KNR v 1949–2012 gg. i kljuchevye paradigmy sovremennoj kitajskoj vneshnej politiki [Transformation of the PRC ideology of external policy in 1949–2012 and key paradigms of modern Chinese external policy]. *Materialy 3-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii “Rossija i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva”* (ed. D. Bujarov). Blagoveshhensk.
- Mihnevich S. (2014a) Panda na sluzhbe Drakona: osnovnye napravleniya i mekhanizmy politiki “myagkoj sily” Kitaya [The Panda in the Dragon’s Service: The Main Directions and Mechanisms of China’s Soft Power Policy]. *International Organisations Research Journal*, vol. 9, no 2 (in Russian). Available at: <https://iorj.hse.ru/en/2014-9-2/125047954.html> (accessed 27 March 2015).
- Mihnevich S.V. (2014b) Kitajskij faktor vo vneshnej politiki SShA v ATR [Chinese Factor in the US Foreign Policy in Asia-Pacific Region]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika i kul’tura*, no 11.
- Mihnevich S.V. (2014c) Jevojlucija arhitektury bezopasnosti v Jugo-Vostochnoj Azii: rol’ KNR i SShA [Evolution of security architecture in South-East Asia: roles of China and the USA]. *Politika SShA v Aziatsko-Tihookeanskom regione*. M. INION RAN.
- Mihnevich S.V. (2015a) Innovacionnye aspekty jenergeticheskoj politiki KNR: vnutrennee i vneshnee izmenenija [Innovations in energy policy of the PRC: external and internal dimensions]. *JeKO*, no 2 (488).
- Mihnevich S.V. (2015b) The Sage Helps the Celestial Empire: Promotion of the Confucius Institutes’ Global Network as an Instrument of the PRC’s Soft Power Policy in the Great Eastern Asia Region]. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no 1. Available at: <https://iorj.hse.ru/data/2015/12/07/1095012358/The%20Sage%20Helps%20the%20Celestial%20Empire.pdf> (accessed 27 March 2015).
- Mihnevich S.V. (2015c) Faktor “umnoy sily” v protsessakh institutsionalizatsii mezhdunarodnykh otnoshenij [Smart Power in Institutionalization of International Relations]. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no 4 (in Russian). Available at: <https://iorj.hse.ru/2015-10-4/170123865.html> (accessed 27 March 2015).
- Mihnevich S.V. (2016) “Jeffekt kolei” i problema transformacii vneshnepoliticheskoj orientacii Rossii [“Dependence Path” and the Problem of the Russian External Policy Transformation]. *Aktual’nye problemy Evropy*, no 1.
- Naj Dzh. (2013) *Budushhee vlasti* [Future of power]. M.: AST.
- Nort D. (2010) *Ponimanie processa jekonomicheskikh izmenenij* [Understanding the Process of Economic Change]. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki.
- Ostrouhov O.L., Slaickij A.I. (2001) Vneshnjaja politika KNR: obespechenie suvereniteta i celej razvitija [External Policy of the PRC” Sovereignty and Development Goals]. *Kitaj v Mirovoj politike* (ed. A.V. Torkunova). M.: ROSSPJeN.
- Qimao Chen (1993) New Approaches in China’s Foreign Policy: the Post-Cold War Era. *Asian Survey*, vol. 33, no 3.
- Ramo J.C. (2004) *The Beijing Consensus*. London: The Foreign Policy Center.
- Shambaugh D. (2005) China Engages Asia: Reshaping the Regional Order. *International Security*, vol. 29, no 3 (Winter 2004/05).
- Thayer C.A. (2010) *Southeast Asia: Patterns of Security Cooperation*. Barton.
- Thayer C.A. (2012) *ASEAN’S Code of Conduct in the South China Sea: A Litmus Test for Community-Building?* Available at: www.japanfocus.org/-Carlyle_A_-Thayer/3813 (accessed 27 March 2015).
- Timofeev O.A. (2009) Modeli integracii v Vostochnoj Azii Vlijanie KNR i pozicii SShA [Integration models in East Asia: Influence of China and positions of the USA]. *Rossija i ATR*, no 2.